

«А под маской было звёздно...». Александр Блок

Ж У Р Н А Л

Э Т О В

Д О О С

Маска, я тебя знаю!

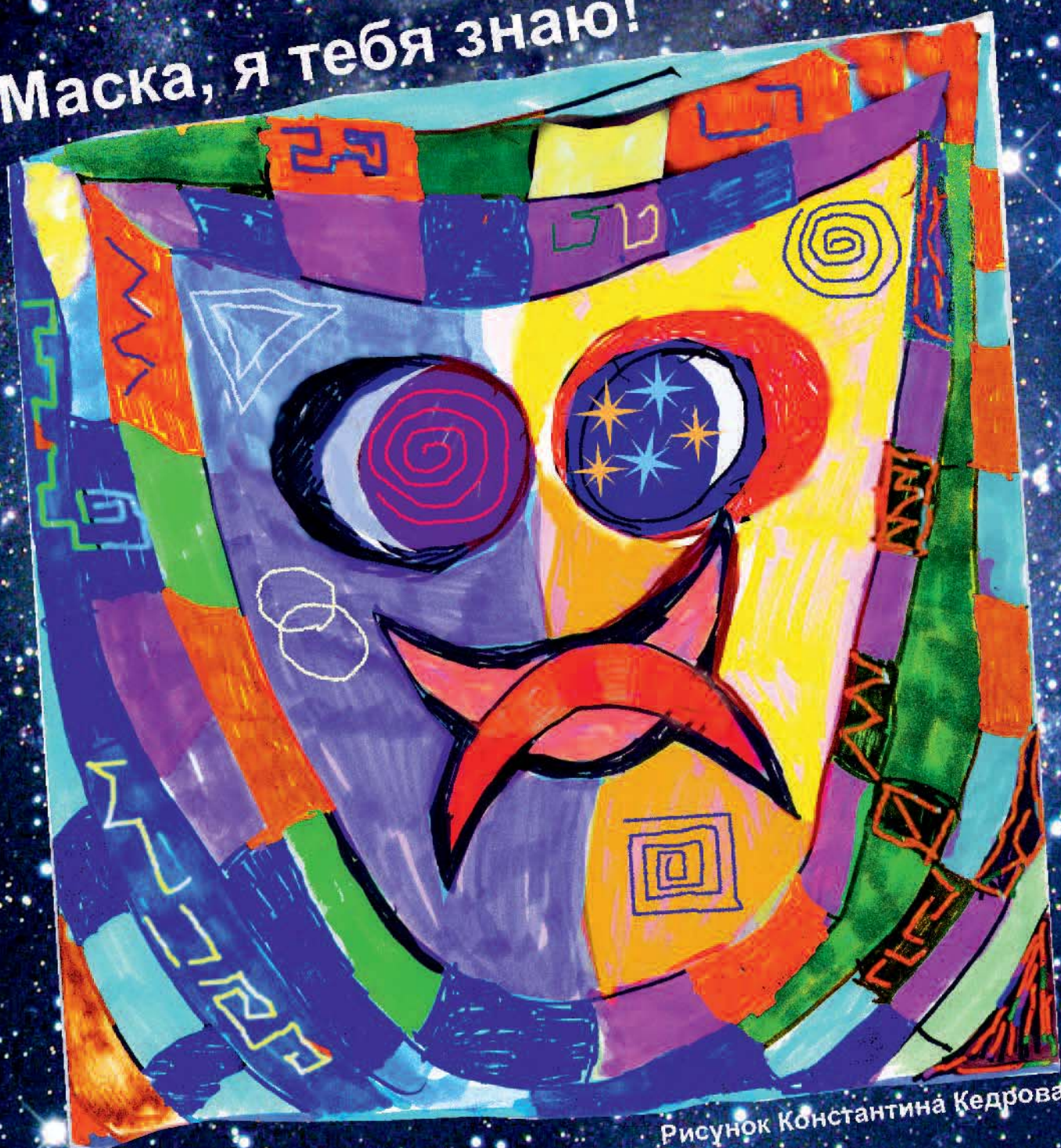

Рисунок Константина Кедрова

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Наша редакция 2018 г.

Елена Кацюба
ответ. секретарь
арт-директор

Константин Кедров
главный редактор

Маргарита Аль
зам. гл. редактора
издатель

Эльмар Гусейнов

Сергей Бирюков

**Александр
Городницкий**

Виллем Вестстейн

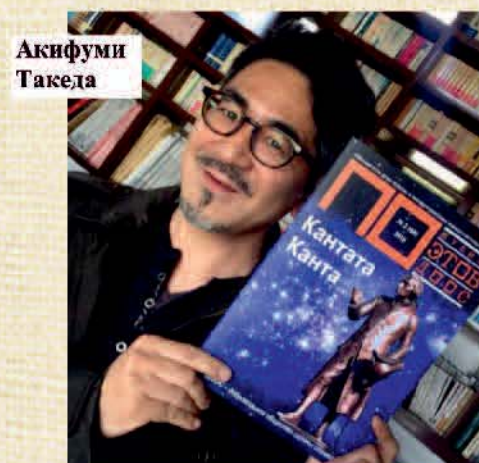
Валерия Нарбикова

Александр Бубнов

Анатолий Кудрявицкий

**Акифуми
Такеда**

2-3-4-5

Константин Кедров
Андрей Врядий

6

Елена Кацюба
Сергей Тырышкин

7

Александр Бубнов
Кристина Зейтунян-Белоус

8

Маргарита Аль

9

Кристина Зейтунян-Белоус
Акифуми Такеда

10-11

Зинаида Варлыгина
Рената Платэ

Наталья Белоус

Алиса Клио

Наталья Рожкова

Илья Гутковский

12-13

Ольга Филиппова
Владимир Аристов
Лоренс Блинов

14

Владимир Опара
Евгений Степанов

15

Анатолий Кудрявицкий
Татьяна Грауз

16-17-18

Лидия Григорьева
Сергей Мнацаканян

19

Зиновий Антонов
Андрей Голота
Татьяна Зоммер
Кристина Зейтунян-Белоус

20

Владимир Монахов
Владимир Павлов

21

Кшиштоф Шатравски
Татьяна Липатова
Лев Мирошниченко

22-23-24-25

Сергей Бирюков
Александр Раткевич
Бронислава Волкова
Людмила Салтыкова
Кристина Зейтунян-Белоус

26-27

Вячеслав Карпенко
Кристина Зейтунян-Белоус
Михаил Горбунов

28

Александр Князев
Алла Ивашинцова
Андрей Врядий
Андрей Сутоцкий

29-30-31

Андрей Александер

32

Александр Карпенко
Ольга Журавлёва
Андрей Врядий
Лариса Пушкина

33

Валентина Боован-Куукан
Марина Александрова
Елена Краснощекова

34-35-36-37

Лев Залесский
Николя Миньяр
Александр Петрушкин

38

Любовь Красавина
Максим Сентяков
Татьяна Теребинова

39

Александр Добровольский
Герман Виноградов

40-41

Мария Прокофьева
Сергей Прокофьев

42

Бахытжан Канапьянов
Наташа Дропъ
Виктор Корольков
Валерий Силиванов

43

Виктор Клыков

44

Валерия Нарбикова
Елена Атланова
Николай Ерёмин

45

Герман Виноградов
Дмитрий Цесельчук
Олег Романов

46-47

Галина Мальцева
Ольга Лебединская
Андрей Чайкин
Игорь Балюк

1-я страница обложки

Константин Кедров

2-я страница обложки

Редакция Журнала ПОэтов

3-я страница обложки

ПО следам событий

Книги поэта, изданные
к юбилею

Семен Гурарий

Александр Карпенко

4 страница обложки

Андрей Врядий

Москва, Курск, Париж, Тояма, Кострома, Санкт-Петербург, Тула, Казань, Галле, Ольштын,
Каменск-Шахтинский, Дублин, Лондон, Калининград, Братск, Великие Луки, Вена,
Блумингтон, Ташкент, Красноярск, Ташенка, Алматы, Кыштым, Мончегорск, Мюнхен,
Владивосток, Элиста, Нижневартовск, Отрадный, Смоленск, Днепр

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

«А под маской было звёздно...»

С чем пришел человек во вселенную? Какой опыт всего живого был осознан им и запечатлен в мистериальном действе? Это то, что дано всему живущему в природе: зачатие, рождение, жизнь, смерть. Здесь модель всех первоначальных процессов, создающих человека. Три этапа действия – «маска», «снятие маски», «узнавание» – строго соотносены с зачатием человека, его рождением и смертью.

Уже пять тысячелетий назад была озвучена мысль, что вселенная – это маска человека, а человек – маска вселенной. Если соединить их вместе, возникнет образ Человека-Вселенной по имени Пуруша, позднее Адам-Кадмон.

Когда разделили Пурушу, на сколько частей он был разделен?..

Луна родилась из мысли, из глаз возникло солнце...

Из пупа возникло воздушное пространство, из головы возникло небо.

Из ног – земля, страны света – из слуха. Так
распределились миры.

Вокруг связанного, как жертвенное животное, Пуруши положили «семь поленьев». По всей видимости, имеются в виду семь планет, семь светил. Здесь Вселенная возникает из человека и возникает в муках. В русской «Голубиной книге» князь Владимир спрашивает у царя Давыда Овсеевича:

Прочти ты нам книгу голубиную,
Расскажи ты нам, сударь, про белой свет:
Отчего начался у нас белой свет,
Отчего пошли зори ясные,
Отчего пошли звезды частые,
Отчего ж начался млад-светел месяц?»

И Давыд Овсеевич читает ответ по книге: «Зори ясные от очей божьих, / Звезды частые от риз божьих, / Млад-светел месяц от трудей божьих».

Космос – это как бы расширенное в перспективе зрения человеческое тело.

Насколько живучей оказалась эта метафора, можно судить по видению Аввакума в тюремной земляной яме, откуда он пишет царю Алексею Михайловичу о том, как «...В нощи вторья недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вместил в меня и небо, и землю, и всю тварь...»

Это чрезвычайно примечательный древний образ, когда человек, как бы выворачиваясь наизнанку, вмещает в себя и небо, и звезды, и всю Вселенную. Он становится не узником, заключенным внутри вселенской бездны, а ее наиполнейшим вместилищем. Поэта не смущает, что человек мал, а Вселенная неизмеримо больше, ибо для него есть иное, тайное зрение, где меньшее вмещает большее, а последний становится первым. Так материнское чрево могло вместить и «содеять» всю Вселенную, ибо само рождество виделось как такое же выворачивание наизнанку всего вселенского чрева:

«...Ложесна бо Твоя престол сотвори и чрево пространнее небес содела...» Рождество виделось поэтам как бы магическим переодеванием. Само небо становилось как бы сброшенной кожей вселенского человека, а его телесная нагота затмевала сияние всего мироздания: «Одеятся светом яко ризою, наг на суде стояще и в ланиту ударения принят, от рук, их же созда».

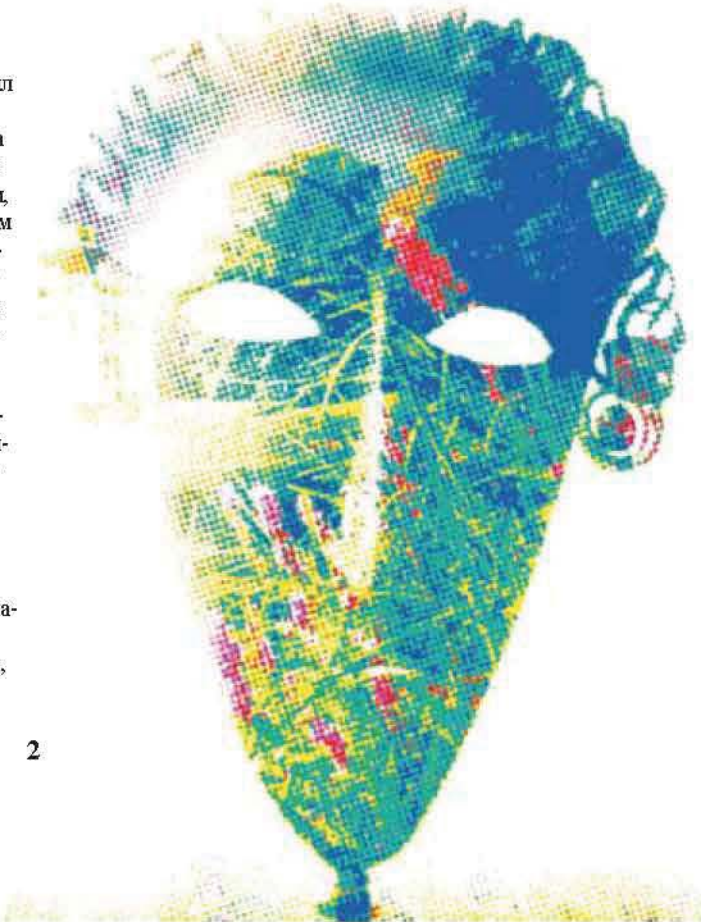
Если «царь небесный» предстоял наг, то царь земной, наоборот, облачался в звездные ризы – «одевался светом». Он надевал на себя корону, усыпанную драгоценными камнями, символизировавшую звездный купол, и он держал в своих руках державу и скипетр – луну и солнце. Ярчайший образ

такого человекоподобной Вселенной и такого вселенского тела запечатлен в архитектуре древнерусского храма. Здесь купол символизировал невидимое небо, а нижняя часть – землю; вся служба в песнопениях и действии повторяла космогоническую историю сотворения мира и человека.

Светлое здание невидимой внутренней Вселенной, казалось, содрогнулось и рухнуло, когда Петр I привез из Европы готторпский глобус и установил его на бесплатное обозрение. Грозный самодержец призывал этим шагом отратить свой взор от символической иллюзорной Вселенной храма и обратить его в реальную звездную бесконечность. Внутренний купол глобуса – первого русского планетария – должен был заменить собой внутренний купол храма. Смотрите, вот она, звездная бездна, окружающая человека: «Открылась бездна, звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна...» – восторженно писал Ломоносов об этой Вселенной. Что было делать в этой бесконечности человеку? Она рождала и восторг, и смутнение: «Так я, в сей бездне погружен, / Теряюсь, мыслями утомлен!»

Срывалась внешняя позолота, с храмов падали на землю колокола. Но вместе с тем срывалась и космическая оболочка с телесного облика человека. Ризы, символизировавшие звездное небо, были сброшены, их сменил мундир бомбардира Преображенского полка. Трудно было представить эту обыкновенную телесную оболочку вместилищем всей Вселенной. Отец Петра, царь Алексей Михайлович, с трепетом читал письма Аввакума. На Петра такое письмо не могло бы произвести серьезного впечатления. Тело перестало быть «телесным храмом». Храм превратился в здание, демонстрирующее могущество «архитектора Вселенной», блещущее парадом и подавляющее своей мощью. Петропавловский, Исаакиевский, Казанский – вот соборы петровской и послепетровской эпохи. Их не сравнишь с храмом Покрова на Нерли, с Киевской и Новгородской Софией. Образ человекоподобной вселенной исчез. Купол стал больше похож на потолок планетария. Каково место человека в этой бесконечной звездной бездне?

У Державина это спящий восторг человека, находящегося в центре звездной бесконечности и управляющего ею:

«Я связь миров повсюду сущих, / Я крайняя степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна божества...»

Однако предсмертные строки поэта пронизаны другим ощущением. Восторг сменяется глухим разочарованием и ужасом перед черной бездной, поглощающей человека. Умирая, поэт начертил мелом на аспидной доске такие слова: «А если что и остается / Чрез звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы». Зияющее жерло вечности, пожирающее человека, — вот что увидел поэт в окружающем его мировом пространстве. Теперь сама Гея — природа — стала пожирательницей своих детей. Именно так и говорится у Тютчева об этой пожирающей бездне — природе: «Почередно всех своих детей, / Свершающих свой подвиг бесполезный, / Она равно приветствует своей / Всепоглощающей и миротворной бездной». И в другом стихотворении: «И мы пылем, пылающею бездной / Со всех сторон окруженья».

Все та же пылающая бездна «звезд полна», но теперь она рождает другие образы. Пусть это не Хронос, пожирающий своих сыновей, а пушкинская «равнодушная природа» — природа-мать, равнодушная к своим детям. Это не богородица — мать мира, о которой пелось, что чрево ее пространнее небес. Это не заступница, спускающаяся в ад, чтобы облегчить муки грешников в «хождении по мукам». Это равнодушная, чуждая человеку космическая природа, и храм здесь другой. О нем писал Тургенев. Человек входит в подземный храм, где восседает величественная женщина — природа. Человек уверен, что она размышляет о судьбах человечества, что люди — ее любимые дети. Но ее голос, подобный лязгу железа, отвечает, что все твари — ее дети, и думает она о том, как увеличить силу ног блохи. «Я тебе дала жизнь — я ее отниму и дам другим, червям или людям... мне все равно...»

Вселенная-планетарий, Вселенная-обсерватория лишь на первых порах вызвала восторг. Но восторг сменялся разочарованием и ужасом на краю звездной бездны. И Державин пишет: «Без жалости все смерть разит: / И звезды ею сокрушатся, / И солнца ею потухнут, / И всем мирам она грозит».

У Достоевского Иван Карамазов в беседе с чертом вспоминает анекдот, сочиненный им еще в гимназии. Некий человек после смерти за свои сомнения обречен шествовать по той самой пустой Вселенной, в которую он глубоко верит: «...Присудили... чтобы прошел во мраке квадриллион километров...» Путник прошел это расстояние за билион лет. «Да где ж он билион лет взял?» А черт в ответ: «Да ведь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю! Да ведь теперешняя земля, может, сама-то билион раз повторялась; ну, отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода... опять солнце, опять из солнца земля...»

Откуда образ такой ледяной мертвящей Вселенной? От Ломоносова до Достоевского длинный путь. Тот самый космический мучительный квадриллион километров, тот самый билион лет, символизирующий скачок от одного образа мироздания к другому. «Всепоглощающая бездна» Ломоносова, Державина, Тютчева и Достоевского берет свое начало в «Началах» Ньютона. Да, это ньютоновская бесконечная бездна, простирающаяся вглубь и вширь периодически, однообразно и монотонно. Это ньютоновское бесконечное время и бесконечное пространство, пожирающее миры и дела людей. Здесь царил однообразный безжизненный космос, и порой казалось человеку XIX века — «его же царствию не будет конца».

Но конец этому царствию наступил в XX столетии.

Оказалось, что нет этой бесконечной бездны, оказалось, что нет абсолютного пространства и абсолютного времени.

Оказалось, что мир не так прямолинейен и две параллельные могут пересекаться. Еще в 20-х годах XIX столетия об этом говорил Лобачевский. Говорил, но его не поняли. Над воображаемой геометрией смеялись, называя ученого «воображаемым профессором». На могиле Лобачевского в Казани можно прочесть чугунную эпитафию: «Член общества Геттингенских северных антиквариев, ректор Казанского университета, многих орденов кавалер...» Ни слова о геометрии, о том, что сделало имя этого человека бессмертным.

Лобачевский даже высказал предположение, что его воображаемая геометрия может получить экспериментальное подтверждение на огромных космических расстояниях. Напрасно всматривался теряющий зрение ректор Казанского университета в ночной телескоп обсерватории, построенной по его инициативе и плану. Время для экспериментального подтверждения наступит в 30-х годах XX столетия.

Космологический смысл открытия Лобачевского раньше ученых осознали писатели. Достоевскому принадлежит первое слово художника о неевклидовом космосе Лобачевского. Достоевский осмыслил геометрию Лобачевского как художник. Он придал ей новое, человеческое измерение. Он увидел, что открытие Лобачевского связано с глубочайшими этическими ценностями человека.

Глубину этого образа понял только Эйнштейн. Об этом свидетельствуют воспоминания А. Мошковского об Эйнштейне: «...Достоевский! — Он повторил это имя несколько раз с особенным ударением. И, чтобы пресечь в корне всякое возражение, он добавит: — Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!»

Вспомним еще раз страшный холодный космос с квадриллионами километров и билионами лет или — еще страшнее — космос Свидригайлова, когда он объясняет Раскольникову, что так называемая вечность и будущая жизнь, может быть, всего лишь навсего темная банька и пауки по углам. Но пылкий ум Ивана Карамазова проникает за пределы этой Вселенной. И тогда он шепчет свой трагический монолог: ««Между тем находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная или, еще обширнее — все бытие было создано по евклидовой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые, по Евклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности».

Так оно и оказалось в общей теории относительности.

Была открыта четвертая, пространственно-временная координата, указывающая меру искривления пространства. Здесь огромный скачок от космоса видимого, где все, даже закон всемирного тяготения, можно продемонстрировать в школьном классе, к иному, невидимому космосу Лобачевского и Эйнштейна. Этот переход от наглядности не в силах совершить Иван Карамазов. Его рационалистическая душа протестует и вопиет: «Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях».

Достоевский проник здесь в самую суть трагедии рационалистического сознания русской интеллигенции XIX века. Дело в том, что XVIII век, изгнавший из Вселенной восседавшего на облаках Саваофа, разрушив семь хрустальных сфер и погасив звездные лампы, оказался в опустошенной Вселенной, в чем-то вроде свдригайловской баньки с пауками. Никого, кроме человека, нет в этом космосе. Поначалу этот человек восторженно любовался сияющими звездными глубинами, как Ломоносов и позднее Державин, но мысль, что «и солнца его потушатся», уже подтачивала сознание. Даже этот великолепный сияющий мир погаснет, даже Земля остынет. Илья Ильич Обломов незадолго перед смертью просит почитать, о чем пишут газеты. «Да пишут, что земной шар все охлаждается: когда-нибудь замерзнет весь». Что значат человеческие законы добра и зла перед лицом угасающей, остывающей черной бездны, окружающей человека!

В 1836 году Тютчев создал изумительный образ слияния космоса с человеком: «Час тоски невыразимой!.. / Все во мне, и я во всем!..» Но это был одновременно час смерти и горечи: «Дай вкусить уничтоженья, / С миром дремлющим смешай!» Еще сияла перед глазами таинственная звездная книга, еще с негодованием обращался он к тем, кто не стремился ее прочесть: «При них леса не говорили / И ночь в звездах нема была!» Но спустя 33 года эти же уста говорят о невозможности прочесть звездную книгу Вселенной: «Природа – сфинкс. И тем она верней / Своим искусом губит человека, / Что, может статься, никакой от века / Загадки нет и не было у ней». А в 1871 году были произнесены уже знакомые нам слова о «всепоглощающей и миротворной» бездне.

Спустя шесть лет после смерти Тютчева, в 1879 году, Фет пишет стихотворение «Никогда», где говорится о вечной смерти Вселенной. Воскрешший из гроба оказывается среди мертвой земли: «Куда идти, где некого обнять, / Там, где в пространстве затерялось время?..»

Предполагали Фет, что там, «где в пространстве затерялось время», как раз и таится четвертая, пространственно-временная координата Эйнштейна-Минковского, положившая научный предел для ужасающей зримой смерти в стихотворении «Никогда»? Конечно, нет. Но позднее, в том же году, он создает удивительное стихотворение, где человек становится вместилищем всей неумирающей и вечной Вселенной.

«Не тем, господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мягущимся сознанием,
Что в звездный день твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем...
Меж тем как я – добыча суесть,
Игралище ее непостоянства, —
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства».

В начале XX века Человек-Вселенная, он же Адам Кадмон, он же Пуруша вернулся и зашагал по небу в «Облаке в штанах» у футуриста Маяковского. А в 60-х годах футурист Семен Кирсанов, сравнивая купол собора с куполом обсерватории, отдаёт явное предпочтение собору. Хотя обсерватория «как утренний собор Петра, / сияла свежей позолотой», ей явно не хватало «и волхвов, / и кафедрального хора, / апостольских голов, / слепцов, Христа, и твердых слов: / "Возьми свой одр!" — здесь не хватало».

То, что мы сегодня называем мифом, когда-то было озвучено громом и бурей, «инсценировано» звездами в

огненном исполнении. Ныне «зрители» покинули звездный театр, забыли о декорациях, и память хранит лишь словесные образы былого. Словесное небо оказалось не менее ярким, чем звездное. Здесь свон «созвездия» древних образов: певцы от Ориона до Садко, царь-девицы от Кассиопеи до Василисы Прекрасной. Множество сюжетов и один всеобщий для звезд: все звезды «умирают» при свете дня, но к вечеру оказываются «живыми». Многие звезды и целые созвездия падают, «уходят» за горизонт, чтобы вернуться в прежнем сияющем блеске через какой-то срок.

Как месяц, исчезая в последней фазе, вырастает снова в полнолуние, так зерно, упавшее в землю весной, воскреснет летом. Звезды умирают, погребаются в небе утром и «воскресаю» вечером. И, наконец, главное: человек, как звезды и зерна, будучи погребен в земле, оживет, воскреснет, вернется к жизни в другом облике, в другой «маске» — в огненной солнечной одежде. Значит, в мистерии смерти и оживления есть три важных момента: маска, снятие маски и узнавание. Солнце — маска лица, лицо — маска солнца; жизнь — маска смерти, смерть — маска жизни. Вполне естественно, что в огненные одежды мертвый мог облачиться и в самый момент погребения при сжигании на костре. Он возвращается на землю в огненном облачении каждый раз, когда разжигают поминальные костры. Люди узнают в языках пламени лица предков. Поминальные свечи, огни, пускаемые по реке, костры — все это огненные маски предков. Они разжигаются, как правило, в дни солнцестояния и равноденствия.

Но огненной маске воскресшего предка (кстати, само слово «воскресение», видимо, связано со словом «кресало») предшествует страшный момент надевания смертной личины. Это либо череп, либо звериная маска тотемного чудища-предка. Это тыквы с прорезанными отверстиями для глаз, носа и рта, внутри которой горит свеча. Этот огненный череп в ночной тьме есть первая часть действия о смерти и воскрешении — «маска». Затем наступает кульминационный момент карнавала — «снятие маски» и «узнавание». Тыквы-черепы сброшены. Тьма сменялась светом, смерть — жизнью.

Жизнь — маска смерти
Смерть — маска жизни
Обсерватория — Храм
Храм — Обсерватория
Человек — Вселенная
Вселенная — Человек
Человек — это изнанка неба
Небо — это изнанка человека

В этом мире человек находится в центре вселенной, внутри нее, в то же время он вмещает в себя всю вселенную, и она находится как бы внутри него.

Всё, как сказал Александр Блок: «А под маской было звёздно...»

Одевая маску снимаешь маску лица
Нет маски без лица — нет лица без маски
Отец — маска сына
сын — маска отца
Мазки — маски картины
маски — картины краски

— Маска я тебя знаю —
Одна я всегда одна я
— Но ведь под маской звёздно —
Звёздно, но слишком поздно

2018

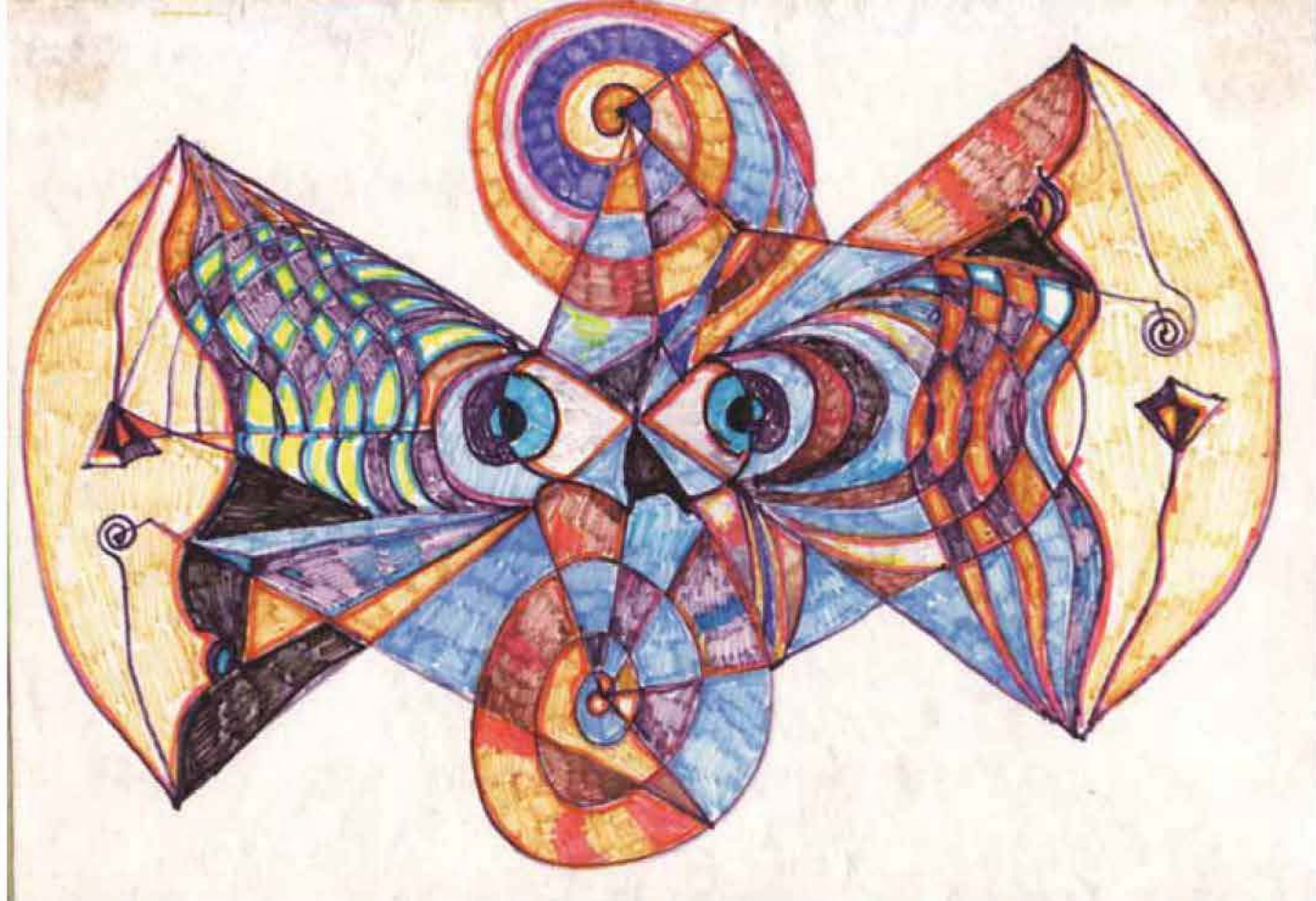

Рисунок Константина Кедрова
(бумага, фломастер)

ОРФЕМА

Чтобы вовлечь себя в эту игру
надо представить что все калибры
это всего лишь один калибр
для которого мир – колибри

Лабиринт в черепе –
это мозг

мозг –
лабиринт в середине Орфея
середина голоса – это воз-
глас
вопиющего в центре сферы

Сфера – это Орфей в аду
где катит Данте свои колеса
Арфа Орфея только в аду
звонкоголоса и многоголоса

Я всегда играл на лире
но молчала лира
Каждый звук в лире
многоголосен
как Кёльнский собор
Звук тонул в лире
как в цветке колибри
или как Россия
в слове Сибирь

Я стою в середине собора
где труднее всего –
не быть
Помню смысл
но не помню слова
Помню слово
но смысл забыт

Как в грамматике
где нет правил
не с глаголами
не отдельно
а вместе
в каждой памяти есть провал
где живые
с мертвыми вместе

Свод небесный
следка надтреснут
как надломленная печать
Надо вспомнить
чтобы воскреснуть
ВОСКРЕСАТЬ
значит
ВСПОМИНАТЬ

1992

Во всех музеях
смотрят неласково
Маска Бетховена
маска Листа
И живые лица
кажутся масками
Из не очень прочного гипса

Маска Канта
в Калининграде
Маска Пушкина
в музее Пушкина
В странном масочном маскараде
Пушкин смотрится
в маске Пушина

Вся вселенная слепок с лиц
Небо это изнанка лица

Умиравший Ференц Лист
Ухмыляется в небеса
2018

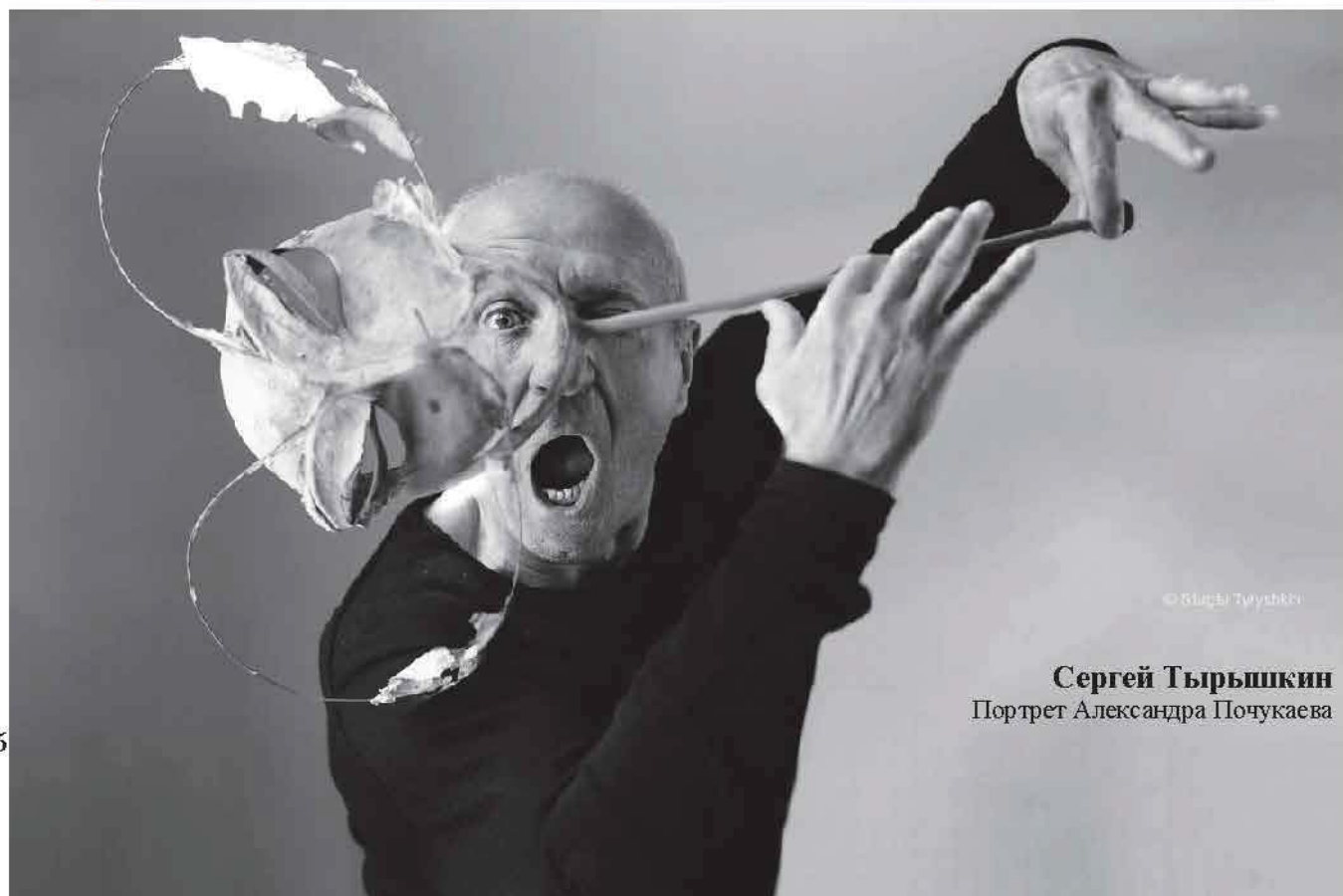

алая **МАСКА** заката
 к телу **ЛАСКА** платья из бархата темноты
 в вихре блеска и **ЛОСКА** бала ночного
 капли горячего **ВОСКА** от свечек звезд
 пальцы коснулись **ВИСКА** – головокружение
 от нежданного **ВИТКА** жизни
 вьется **НИТКА** живая –
НОТКА жужжания и меда
 из **МОТКА** звуков
 уводит пчелиная **МАТКА** звездный рой в другую ночь
 а нам – алая **МАСКА** рассвета

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАСКИ

Маска – это мазок без краски
 это кисть, стирающая лица
 Кто в маске, тот без лица
 Кружевные движения мимических
 мышц
 соберут лицо –
 маска станет лицом
 Слой за слоем
 она обретает слово
 Сладкая маска –
 из леденцовой массы,
 холодная – из кубиков льда,
 маска согласия – из да-да-да,
 зеркальные маски
 кидают друг другу свои отраженья,
 гримасничают,

забывая, что маска прозрачна...
 Увеличительная маска –
 линза лица,
 дикая пляска
 гримас под микроскопом,
 где блохе не припрятать подкованной пятки,
 прятки
 в комнате без углов,
 улов
 пустоты
 на бесплодном мосту ожидания,
 маска улыбки на маске страха...
 Оставим маскам
 представлять свои маски
 на местах
 не свободных от масок!

© Сергей Тырышкин

Сергей Тырышкин
 Портрет Александра Почукаева

Александр В. Бубнов

доктор филологических наук
ДООС-палиндрозавр
Курск/Москва

М...

[цикл

тавтопалиндромов]

16.01/04.02. 2018.

маскам

●
массе мило?

могон мужам

монтементом мажу!

много моли мессам!

●
милым маска – максима мылим!

●
макар, миро мило?..

мри, мир моли!

мори' мракам!..

●
мори' меру муре миром!

●
маку – меру моли!

мило муре, мукам?..

●
миро макну...

«мир, мри!..»

Мунка морим?..

меро-миска:

Мунка макну макси-морем!..

межу макну Мунка

мужем...

макну муру мункам...

макну меру муре, мункам...

●
мадам

миро мужа маме мешала.

малаше мема мажу.

морим мадам.

●
мироним миро, муку морим –
минорим...

●
мота морим миром!

межа – миро мотне!

мему «мемента мори» мажем!

морим миро-матом...

●
макар, миро мило?

муку моли!

мори' мракам!

●
мори', мля!..

маку – мамку мук!

Мамука мял миром...

●
миро мемо'рим!

миро – мемори'м!

●
манила Маша,

мужу маша',

малинам...

Модарта Маша

малинами манила,

маша' матрацом!

●
мило мру-мру...

мур-мур молим...

●
Макса мани, Маша!

мина маскам!

●
«миротвори межу, муже!» –

мировторим.

●
Макса маски малы –

муку мыла миска маскам!

миротворим Макса.

Макса манила манна-малина –

маска!

маскам мировторим...

●
мадам милы.

Маре муки малы.

мама мыла Мику.

мера –

мылим мадам!

●
Макси-миска!

меру мема

маска мешала мяти.

«мур» мымре!

«муму» маме!

мля-мля!..

мтел, мял...

мял мема,

«муму» мер, мымру Митя,

Малаше Макса,

маме,

муре,

максимиска...

●
меро-миска малинилта макси-морем!

●
мори' море, манна, меромиром!

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

Маскарад чувств

1.	1	за миг до притяжения к тебе
скупаю	2	я отпустила небо в крылья
вот вечности проклятье	3	за миг до пустоты
из зала в зал	4	сiju уткнувшись головой в зеркальный лоб
седые парики	5	глаза в глаза
и губы алые зелёного пространства	6	как бестелесный дух
земля как девица	7	я не могу найти себя
румянит щёки	8	и потерять себя я не могу
и завивает в кудри облака	9	5.
лучом очерчивает солнце собственное тело	11	года
...	22	и это ожерелье
2.	33	когда-нибудь
я чувствую	44	достану из комода
как постепенно превращаюсь	55	то видим
всё тоньше луч луны	66	то невидим человек
всё выше вышитые гладью знаки	77	то страшен миру
спит шелкопряд в коробке из-под звёзд	88	то прекрасней божьих лун
разбилось зеркало	99	лежит в руинах сна
и вытек океан	101	безумный
3.	202	двадцать первый век
ну что там за невидимой чертой	303	6.
какие бури страсти и безумства	404	однажды океан опустит берега
какой позор какое из несчастий	505	не удержать в руках
не вынес человеческий бы взор	606	и рук не удержать
4.	707	однажды обратится тело
как снежный ком	808	и небо обратится в прах
тону	909	запуталась в словах как в звёздах запуталась
вселенной обрастая	1001	нечаянно обласканная взглядом
как ветер обогнавший свет		7.
стою перед тобой		вчера
нас разделяет свет		был день вчера
нас свет соединяет		сегодня его нет
внутри меня		мой день вчера не пепел и не пламя
секунды опадают в вечность		вошедшая в мой сон
снаружи		заполненная мною пустота
вечность в ожидании мгновенья		ещё следы в траве
за миг до притяжения к земле		а свет погас
я отпустила крылья в небо		оплакивать
		его

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС – графиколавр
Париж

* * *

когда белые маски надели черные маски
а черные маски надели белые маски
а затем обменялись масками
а затем еще раз и еще много раз
люди без масок совсем запутались
и от страха потеряли лицо.

* * *

Ходят люди строго по теченью
времени, и жизни катят ком,
соблюдая правила вращения
мыслей в черепе, земли под каблуком,
сохраняя маску под лицом,
а под маской – вечное томление,
страх и ненависть к земному притяженью,
и мечту о чем-нибудь ином.

* * *

на троне железном
стальной король
без головы
на нем огромная
золотая маска
усеянная брильянтами
под ней пустота
но порой
в глазницах
мерещится свет

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус.

Акифуми Такеда

профессор
Тояма

5 миниатюр
хайку-мимикрия
под маской
русского языка

*

Речной вокзал.
Рана земли.
Нити берез – белая штопка.

*

Расщепив стволы,
Всполохом птиц
Лес ощерился.

*

Перед могилой Велимира Хлебникова

Цветов багровые растекашлы...
Ко-мне-истуканшлы
Самостояк.

*

В глазах – ночь.
В ушах – снег.
Куклы деревянной – плен.

*

Весенняя грязь.
У меня нюх собачий:
По пятнам за Дафной душистой.

Зинаида Варлыгина

Кострома

ДАЙТЕ СМЫСЛА!

Много слов, а толку – никакого.
Фразы повторяют снова, снова...
Не хватает смысла, понимания.
Дайте нам хоть капельку
внимания!

Не для протокола и отписки –
Дайте нам хотя б немного смысла!

Шум в эфире – сотней голосов.
Наплывают сотни, тыщи слов.
Не выходит всем наговориться.
Всюду – маски. Покажите – лица!

Не для фото или для сюжета,
Лица покажите – нужно это!

Рената Платэ

Санкт-Петербург

* * *

Я ухожу, я –
в чёрном платье длинном,
и только тайно,
тихо обретёшь
ты нежный взгляд,
где средь высоких лож
я вдруг застыну
с веером старинным...

Как будто есть печальная глава
в истоках сердца,
в отзвуках театра,
когда одним дыханием
Монмартра
вдали поёт бесстрашная молва...

И лишь она пронзает болью вены,
не допустив нежданный оборот,
нам рукоплещет ярко
Мейерхольд
и опускает занавес на сцену!

29 января 2018 г.

Алиса Клио

Санкт-Петербург

* * *

Последний штрих.
Последний шаг перед сияющим венцом,
и ожидание начала в каждом жесте, в каждом сне...
Я вижу зеркало; я вновь хочу разбить его лицо,
но не могу – оно так мило улыбается. Не мне.
Венецианское стекло не стоит жалкого гроша,
но тянет жилы из меня и всё плетёт свой тихий стих.
Так отомсти, жестокий странник, полуночная душа,
за то, что мало получил от рук моих
любви и нежности.
Увы, я не умею колдовать.
Я не могу тебе ссудить полцарства и волшебный меч.
Ты белокур и юн, к чему ещё какие-то слова,
«...до новых встреч, – я повторю, – до наших встреч...»
Возможно, выживешь, не раненый осколками судьбы,
вернёшься, руку протяни – и я увижу этот свет.
И я скажу – под завывание ликующей толпы –
«Небесный ангел, ты избавил мир от бед!...»
Возможно, выживешь... Тогда я одарю тебя кольцом,
и отражение своё в твоей открою глубине...
Увидев зеркало, я вновь хочу разбить его лицо,
Но эта честь, похоже, выпадет не мне.

31.01.2002

Наталья Рожкова

* * *

Рассыпаны маски. Кончается ночь,
Светильник чадит среди зала,
Вповалку тела – так храпят, что невмочь!
Приходит конец карнавала.
Рассвет серолицый нетвёрдо бредёт,
Комета проносится мимо,
И мать одинокая сына зовёт,
И век до падения Рима.
Всё ходит старуха, всё плачет навзрыд,
И эхо роняет на плиты,
А сын под разорванной шторой лежит,
Для чьей-то забавы убитый.
Конец карнавала. Кружится листва,
Хрустит под подошвою лира,
Как уголь, черны за окном дерева,
И миг до падения мира.

Илья Гутковский

Тула

Пауза

Закат, как цветущая вишня;
солнце, как крона спящего дерева –
это сладость вечера,
когда распускаются бело-розовые цветки табака;
это аромат нежных восточных лилий
в остывающем воздухе;
это дрожащие кончики пальцев,
словно перешёптывающиеся
колокольчики ландышей в тенистом саду,
где гнацинты прячутся от ветра ранней весны,
и с лиловых кистей сирени струится прохладный огонь;
где тёмно-синее небо успокаивает старую боль,
и луна восходит цветком южной магнолии,
оставляя за спиной цикл весенних фресок,
словно росу дыхания.
Закат. И вся жизнь –
будто один брошенный взгляд с моста
на уходящий поезд,
где МАСКА снежного облака, отражённая в холоде луж,
расплывается призрачным одиночеством,
и беспросветные тени перил
напоминают бамбуковый лес Киото.

Ольга Филиппова

Каменск-Шахтинский

(+)(+)(+)(+)(+)
 (+)(+)(+)(+)(+)(+)(+)
 (+)(+)(+) Вымучивать себя, из глины или воска (+)(+)
 (+)(+) эмоции лепя, вести рукою жёсткой за острый край (+)
 (+) клише, под жернов мукомольни. Хотя папье-маше, (+)
 (+) казалось бы, довольно. И тайны (+)
 (+)(+) в самый раз, и звёздный свет струится сквозь (+)(+)
 (+) прорези для глаз. Легко скрывая лица, скрываться (+)
 (+)(+)(+) не спешат, видны как на ладони (+)(+)(+)
 (+)(+) притворщик и ханжа, пока их (+)(+)
 (+)(+)(+)(+)(+)(+)(+)(+)(+)(+) не (+)
 (+)
 про
 го
 ним.

Владимир Аристов

доктор физико-математических наук

* * *

Глубокой осенью, глубокою весною
 Голубокая
 Ты тихий путь вела
 Рациональностью иль просто тишиною

Любая, хотя нет, не любая мелочь
 Вызывала в тебе встречное чувство
 Попытка увидеть улыбку в каждой вещи
 Часто приводила к разочарованию

Но ты продолжала гнуть свою линию
 Хотя была она из нестигаемого
 совершенного материала
 а вернее, из невиданного прозрачного металла

Ты в кругосветное пускалась путешествие
 Вкруг талии своей с портняжным сантиметром
 Не все измерить можно
 Ведь числа не измеришь
 Неизмерима в нас любовь к себе –
 Пренебрежимо велика

Заучишь басню дедушки Крылова
 И вот уже ты время потерял
 Когда ее учил
 И где была ты в это время, когда вокруг все жило?

Найди же время для нее
 ради ее в безвременны.
 Как завалившуюся милую свалившуюся, но ненужную вещь
 Найди время ее

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр

Казань

МАСКИ ДЗЕН

– А для чего ты мне говоришь все это?
 – Чтобы ничего не сказать.
 (Из тайных разговоров)

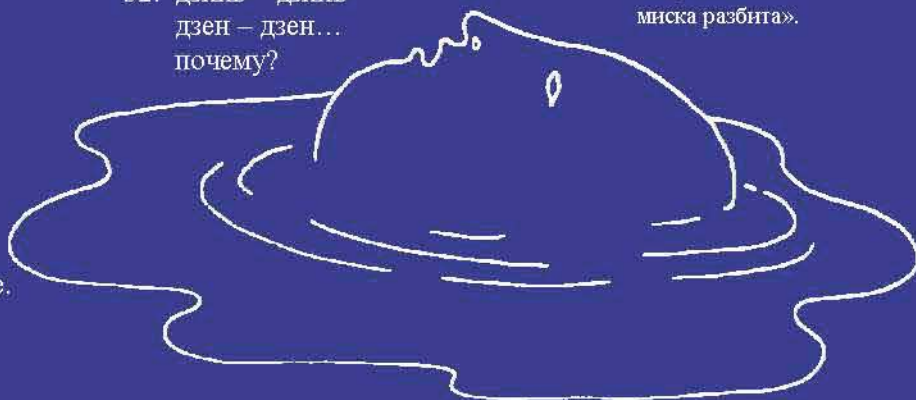
1. Умение молчать
 Порождает слова.
 Безмолвные волны понимания.
 (Или непонимания?)
2. Пение птиц, благоухание цветов –
 Тоже слова.
 Помнить, но не говорить.
3. Молчание милосердно:
 оно порождает слова,
 которые не стыдно было бы
 произнести тому,
 кто их способен уловить.
4. Сказать немного
 значит: сказать все. Впрочем,
 «Немного» и «все» – едино
 для того, в ком нет понимания.
 (Или непонимания?)
5. Тот, кто на Пути –
 вопросов не задает.
6. От Пути не уйти.
 Но он сам уйдет от тебя,
 лишь только начни искать его.
7. Что такое «дзен»?
 «Я бью тебя!» – сказал бы
 Великий Мастер.
8. Ты разве Будда,
 чтобы пытаться постичь
 природу «дзен»?
9. Уверенность – обман.
 И неуверенность - обман.
 Но как легко порой нам удается
 обманывать самих себя.
 (Или наоборот?)

10. Не угнаться за тем,
что позади.
прошлое не станет настоящим.
11. Дзен – это, может быть, то,
что молчанием полнит
прозрачный сосуд.
12. Легко ли понять себя,
не родившись.
Но как познать свою сущность,
уйдя в Запредельное!
13. Ты ищешь «просветления»?
Смотри же, не разбей
нечаянно Кошачью Миску².
14. Не спрашивай: куда идти?
Ты здесь уже. Пришел.
Лишь стоит разобраться,
что значит это слово
«куда».
15. Даже шагая рядом с мудрецом,
не значит, что обрел Истинный Путь.
16. Одним лишь намереньем не усмирить
мятущийся ум.
Веером не разогнать
грозовую тучу.
17. «Единое – это Путь,» – сказал наставник.
– Но где же его начало? –
спросил ученик.
Мудрец промолчал. Почему?
18. Волны одна за другой
набегают на берег пустынный...
Где мера собственной судьбы?
19. Лишь просветленный
узнать способен
просветленного.
20. Возможно ли опередить судьбу?
Остановись. Иди!
21. Отвергая прежние догматы,
не обрешь ли новые?
Ум не знает пощады.
22. Не пытайся осознать просветление.
Озарение не предугадать.
23. Даже ничтожнейший росток
способен стать могучим деревом.
Но как пробиться
сквозь нескончаемую суету ума
24. Можно цели достичь
поучает мудрец,
не сделав ни одного шага.
И выразить все,
не раскрывая рта.

Но где он – путь
к самому себе?
25. Тот, кто хочет проснуться,
все еще спит.
Дзен – это звонок.
26. Созерцающий –
точно ли он созерцает
то, что находится
перед его глазами?
27. Не только алчность и злоба,
но и добро без меры
способно Путь затемнить.
28. Дверь к самому себе
всегда открыта.
Но всякий ли способен заглянуть
вовнутрь?
29. Традиция еще не дзен –
Природа возвышенной
любого из учений.
30. Конь машет хвостом,
оводов и слепней отгоняя...
Это его дзен?
31. Чтобы услышать Истинный Звук,
уши должны быть внутри,
а не снаружи.
32. дзинь – дзинь
дзен – дзен...
почему?

1. Дзен (точнее – «дзадзен») – сложившаяся к XII веку в Японии система самопознания, заимствованная из Китая («чань»), еще ранее унаследованная от индийской традиционной мудрости – «дхьян(а)». Все эти названия сводятся к одному значению – «медитация» (буквально – «сидение»). Сущность японского постижения дзен (иначе, дзен-буддизма) составляют особого рода духовные практики, включающие в себя своеобразные «наставления», предлагаемые мастерами дзен своим ученикам, и затейливо составленные проверочные тесты («коань») с целью «усмирить суету и блуждания» всегда беспокойного ума и открыть сознанию «истинный Путь». При этом, словам не придается слишком большого значения и все эти мудреные сентенции – всего лишь маски, скрывающие истинную природу и тайну дзен, проникнуть в которую способны лишь те, кто достиг подлинного «просветления»!

2. Аллюзия, соотносящаяся с известным дзенским коаном: «Мышь ест кошкину пишу, но кошачья миска разбита».

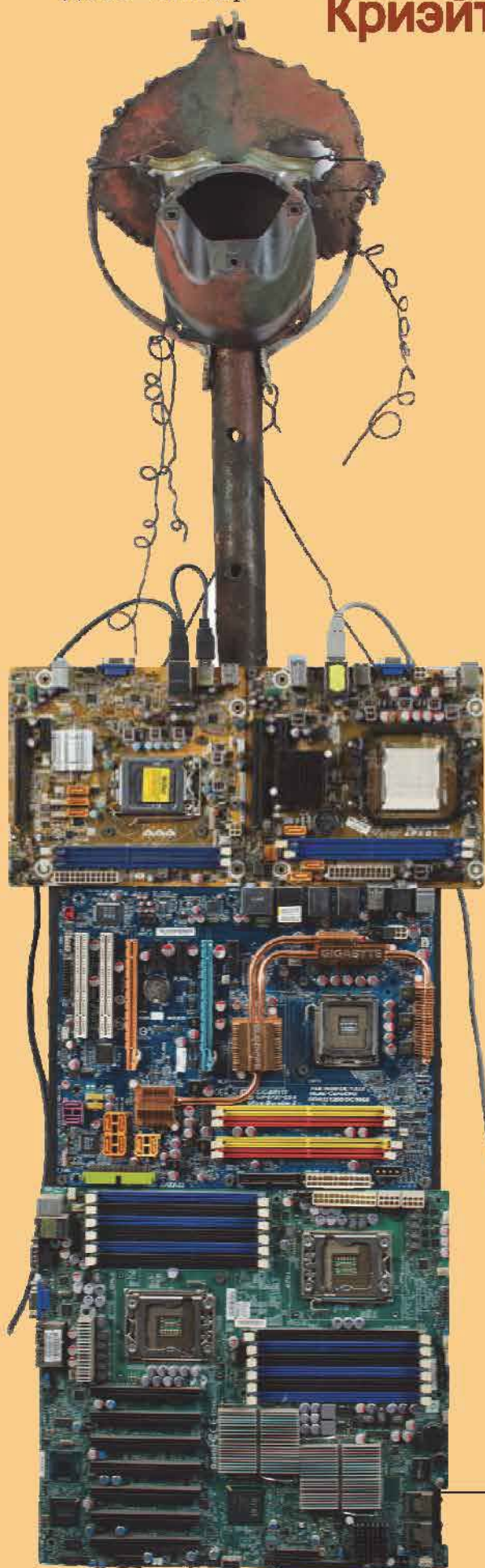

Владимир Опара

ДООС – лайнзавр

Криэйтор

Металл, дерево, компьютерные платы, 2012 г.

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

ТЕПЕРЬ

теперь – терпеть! – ты – виноват
и штангу глаз не поднимаешь
что понимаешь в пятьдесят?
а ничего не понимаешь

но знаешь – зло рождает зло
но признаешь – по всем приметам
важней – не ч т о произошло
с тобой – а что – терпеть! – об этом

ты д у м а е ш ь – ты старикан
ты мальчуган раб лампы – блога
а позади так много стран
а впереди – опять – дорога

2014, 2018

ОН

To Bob L. Hendricson

это он
говорил с одичавшими кошками Малаги
на загадочном их языке

а когда был юнцом крутлолицым
изучил песнопения крымских дельфинов

это он
превращался в араба
в арабских кварталах Парижа
становился евреем –
едва приезжал в Тель-Авив

даже племя Онайдо из штата Висконсин
говорило ему:
– ты наш брат

он сроднился со всеми – сроднился с огнем
с небом лодкою и парусами

мы дружили – мы часто общались

о чем?

это будет пускай между нами

1995, 2018

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин

Из повести

«Путешествие улитки в центр раковины»

I.

Откуда приходит в мир насилие? В одной старой китайской книге я читал о собаке, которая случайно забежала в зал зеркал в каком-то бродячем цирке. Зеркала там были повсюду, и собака вдруг увидела, что ее окружает множество собак. Собака на всякий случай оскалилась, чтобы показать другим собакам, что она их не боится. Но другие собаки оскалились тоже. Собака зарычала, и то же сделали все собаки. Тогда собака запяла, отчаянно пытаясь испугать эту рычащую собачью стаю, однако ее лай разнесся по залу тысячекратным эхом. Собака пришла в полное иступление, отчаянно завизжала и бросилась в атаку на зеркала, которые неумолимо били ее по лбу. Через несколько часов служитель цирка обнаружил в зале мертвую собаку. Она погибла в борьбе с самой собой, хотя и была уверена, что сражается с внешними врагами. Но никаких врагов на самом деле не было. Просто миру очень хорошо удается роль огромного зеркала. Не понимать этого – фатально: ты просто распадаешься на свои отражения, то есть на осколки.

край карты
наблюдаю за человеком
что входит в никуда

II.

Слово просится на бумагу, потому что без нее оно эфемерно. Все мы с годами обрастаем книгами и текстами, хорошо еще, если чужими, а то ведь, бывает, и свои собственные тексты накапливаются. Попробуй отказаться от своих бумажных сокровищ – и ты почувствуешь, что прощаешься с частью своей жизни, а иногда и с самой жизнью. Кто-то рассказал мне, что знаменитый мастер дзен по имени Банкей в старости сжег свои священные книги. Когда ученики спросили его, зачем он это сделал, он сказал: «Я учил вас по этим книгам, комментировал их и много размышлял над тем, что в них сказано. Но теперь они мне не нужны, как не нужны карты человеку, который пришел домой. Если же вы хотите следовать за мной, найдите свой собственный путь». Если ты пишешь стихи, нужны ли тебе карты в твоей стране нехоженных дорог, где нужно знать все тропинки только для того, чтобы их избегать? Басё, например, так никогда и не смог «прийти домой», потому что у него не было не только дома, но и потребности его найти.

осенний ветер...
мечтаю попасть туда
откуда он дует

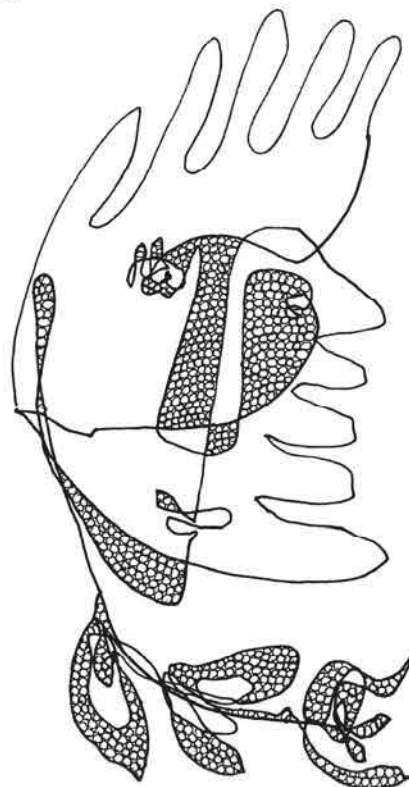
Татьяна Грауз

* * *

(памяти Д. Авашиани)

лица озябшие плакальщиц
не обученных мелодиям слёз
ветхая маска из некогда сияющей кожи
ею прикрыто лицо недавно ушедшего
обруч солнечный над головой

Рисунки Татьяны Грауз

Лидия Григорьева

ДООС – стреканка

Лондон

МАСКИ И КРАСКИ ВЕНЕЦИИ

Фотографии автора

Я бы эту речь не затевала
на подмостках лжи и карнавала,
намеренья странные итожа
простака, аристократа, дожа...
Словно бы альбом перелистала
венетийской роскоши усталой.
И сокровет голубой туман,
облик, облачение, обман...

В синем сумраке зимней Венеции легко затеряться в карнавальном толпе и стать отстраненным от будничной бытовой оболочки неким «инкогнито», человеком без свойств, определяемых той социальной прослойкой, в которой неизбежно пребывает тот или иной индивидум.

Карнавал создан для сокрытия тайной жизни души и тела, иногда весьма неприглядной. Иногда исполненной чарующей жизненной силы, скрываемой от людей за семью печатями в силу робости или нерешительности натуры.

Каждый костюм и каждая маска, если они исполнены в согласии с внутренним замыслом его обладателя, это некое послание человечеству, иногда продуманное и осознанное, иногда на подсознательном уровне. И суть его не только в том, чтобы скрыть от окружающих свой возраст или пол, облик или лик, но и в том, чтобы оставаясь неузнанным, предстать перед обществом в сущностной своей ипостаси...

Тайны венецианского карнавала – многолики, как его традиционные персонажи. «Чумные врачи» в вороньего цвета плащах, с вороньими же клювами вместо лиц. Или же женственный андрогин, упакованный в золотые рыцарские латы. Арлекины, Коломбины, Пьеро, неизменный Пиноккио, шуты и короли, Ангелы и Ангелицы, и этот, как его, не к ночи будь помянут... И почти каждый из карнавальных костюмов-метафор, костюмов-образов может быть удостоен странички другой, исписанной рукой впечатлительного поэта или опытного поборника психоанализа.

Скрывшись от действительности, уйти от обличающих или осуждающих взглядов, убежать даже от себя самого. И скрыться от погони. Длина беговой дорожки – от лагуны и до заката...

Созданный ли карнавальным костюмом образ навязывает

его владельцу иной порядок мыслей и чувств, или сам владелец и носитель костюма, часто ни на что земное не похожее, закодировал в причудливых деталях и даже в цветовой гамме костюма – некие тайные смыслы, сокровенные тайны истомившейся страстной или, напротив, холодной и бесстрастной души. Бог весть...

Но ощущение тревоги, опасной и страшной тайны, сокрытой за семью туманами, за тяжелой парчовой занавесью зимнего тумана, не оставляет в покое ни праздного гуляку, ни восхищенного поклонника буйных пиришествующих празднеств. Химеры и видения, облеченные плотью призраки, укутанные в кисею морского зимнего бриза, беззвучные и безмолвные, почти мниражные фигуры на подмостках мостов и мостиков, на Пьяцетте у стен ажурного Сан Марко, у подножия кружевного каменного жабо – Дворца Дожей...

Это хорошо, что в Средние века карнавал был введен в рамки, ограничившие время опасных перевозощений сроками предпасхального поста. Тогда же он и набрал свою силу, расцвел, как сад с экзотическими растениями, источающими дурман соблазна, порою глетворно-ядовитый, гораздо реже – жизнеутверждающий и жизнеутверждающий. Действие порождает противодействие. Не потому ли на следующий день после закрытия карнавала в храмах и соборах Италии начинаются покаянные великопостные службы. Можно и в наши времена попробовать отомолиться от постигших тебя соблазнов и наваждений...

Можно предположить, что это была нелегкая задача – стать неузнанным на улицах родного города, где на малом сухопутном пространстве в пору расцвета Аристократической Республики всяк сталкивался со всяким по многу раз на день то в порту, то в храме, то в театре и в концерте, то в трактире «Мадонна», где так вкусно и сытно кормят до сих пор. И это только одна из множества возможных причин породивших и пиришествующее разнообразие карнавальных венецианских костюмов, и их явную, иногда нарочитую бисексуальность.

Я много узнаю по походке... Попробуй узнать! Слишком легко обмануться.

Всяк помнит, как в Венеции приветствовались и поощрялись доносы. А светские и церковные власти отличались судейской лютостью. Иногда под маской приходилось скрывать не только пороки, но и добродетели. Не зря ведь в посленаполеоновские времена, под пятой австрийского владычества,

венецианские карнавалы были прекращены более чем на полвека. Переодетых гаррибальдийцев власти опасались не напрасно. Но в 1867 году карнавал в Венеции вновь вспыхнул, как пожар, расцвел, как фейерверк, на узких улочках, на горбатых мостиках, в обветшавших дворцах и рыбацких лачугах. Свидетелем этого события стал русский помещик и революционер Александр Иванович Герцен, человек не сентиментальный, но умилившийся до слез столь небывалым для буржуазной и меркантильной Европы зрелищем. И, кстати, приехавший в освобожденную от чужеземного ига Венецию, чтобы встретиться с геронческим Гаррибальди...

В карнавальный костюм можно войти, как в дом, и там спрятаться от действительности, выглядывая, как в окно, в прорези наглухо закрывающей лицо маски. Одна из не раскрытых до конца тайн карнавала – это то, что карнавальные персонажи, как правило – безмолвны. «Ни вздоха, о друг мой, ни слова», ибо уста наглухо закрыты маской. Только отверстия для глаз да две крохотных дырочки – ноздри. Наверняка ведь и воздуха им не хватает, и душно бывает, и неудобно.

Пожалуй, что только самим «ряженым» и известно, зачем им эта пылка. Словно бы все они слово дали на тайном карнавальном Совете, что будут хранить страшный секрет и не раскроют рта, чтобы не выболтать первому встречному магическую формулу карнавального действия.

Есть несколько версий этого вынужденного, удушающего безмолвия карнавальных фигур. Первая из них проста и доступна нашему человеческому пониманию, склонному к скептицизму. Вот, дескать, эти карнавальные персонажи не желают обнаруживать свою видовую, социальную, а то и половую принадлежность! Оттого и молчат, чтобы их не узнали, не опознали и не привлекли за нарушение моральных устоев, к примеру. Боясь проговориться, обнаружить себя и свои вольные или невольные пристрастия, они сами себя, дескать, и обрекли на молчание и духоту.

А ведь много веков назад кто-то неведомый нам, став первым персонажем карнавальной пантомимы, был неопознан, избежал таким образом общественного порицания за свои сомнительные пристрастия, ввел, как говорится, безмолвие в моду и задал тон.

Вторая версия: средневековые эпидемии чумы и оспы, опустошающие целые государства. Где и уберечься, как не на острове! А если еще и плотную маску надеть, под которую не проникнет ничье болезнетворное дыхание... Так и повелось, зацепилось, укоренилось, так сказать. А рот, выражающий и боль, и радость, и презрение, и горделивое чванство, можно ведь и нарисовать...

Третье: думайте сами...

Четвертое: в карнавальной Венеции в любом магазине или киоске можно купить не только маску, но и бальную полумаску, как в оперетте «Летучая мышь» или в пьесе «Маскарад» Михаила Лермонтова. И тогда ничто не мешает нам вволю надыхаться морским венецианским воздухом.

Между тем, карнавальная Венеция – это еще, кроме всего прочего, огромный съёмочный павильон, где можно с натуры снять на пленку или «на цифру» почти нереальный, потусторонний мир. Безмолвные инфернальные «действующие лица и исполнители» группами и в одиночку грациозно передвигаются по Венеции так, словно они находятся среди голливудских декораций до нереальности неправдоподобных...

Театр мимики и жеста, загадочный и запретный, круглосуточный и многодневный, с неучтенным количеством участников импровизированного спектакля, зрителей и праздных зевак. И каждый год заново – с неистраченным за века энтузиазмом! Никакому кинорежиссеру и не снились такие стихийные и зрелищные массовые сцены!

И краски, краски карнавала... Как можно их забыть, забыть и не заметить, когда они мерцают, сияют и светятся,

растворятся в синеве лагуны, в болотных бликах каналов, да и в тебе самом так, словно бы акварельные кисточки или кисти Клода Моне, причем, все сразу, одновременно промьли во влажном венецианском воздухе.

Венеция — существо земноводное. Она временами словно бы норовит уйти под воду, чтобы отдыхать. Кто видел осенне-зимние наводнения в Венеции и ходил по деревянным мосткам на Пьяцетте, тот меня поймет. В соборе Сан-Марко, в одном из подлинных чудес света, мозаичный пол действительно волнообразно дыбится. Пол дышит, словно жабры. И это не поэтический образ, а грустная реальность.

Человеку же свойственно смотреть вверх, в золотые мозаичные небеса, где восседает грозный Пантократор. На возбужденных и радостных лицах туристов, на спокойных ликах молящихся в одном из соборных притворов прихожан, не видно ни беспокойства, ни озабоченности.

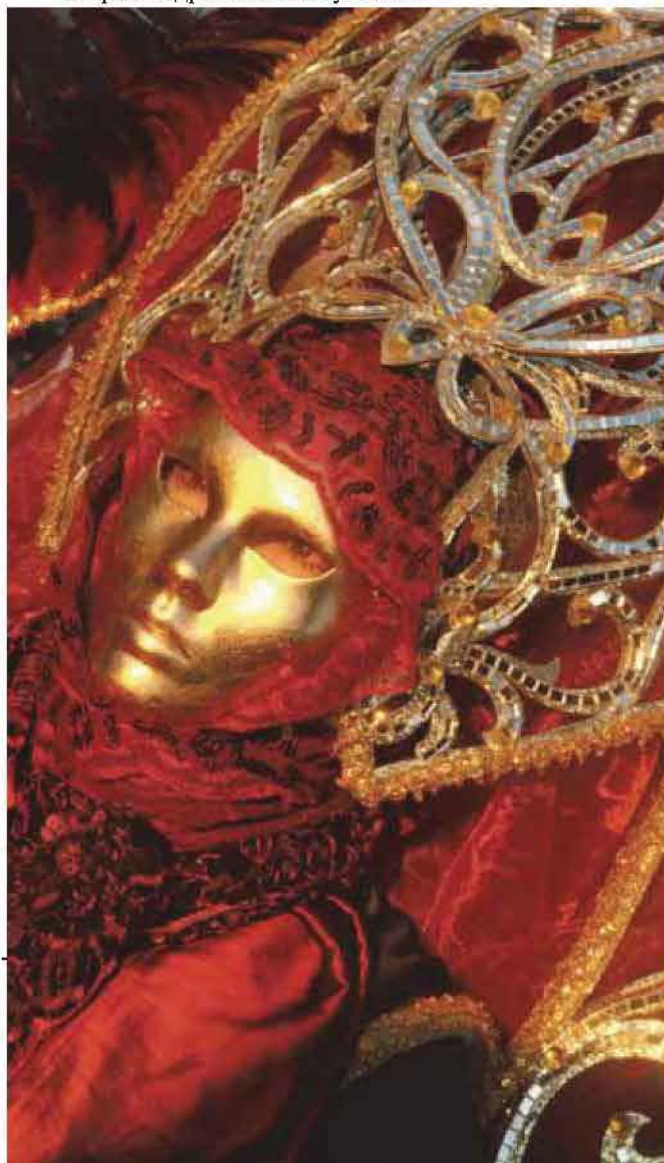
Пока Ной не войдет в ковчег...

* * *

Я никогда не видела ее лица,
оно слилось с венецианской маской.
Я думала с догадливой опаской:
мираж прекрасный не развется...

Но я узнать в толпе ее смогла,
и не по стати или же походке:
она плыла по воздуху, как в лодке,
и никого с собою не звала.

Прекрасное видение, постой,
чтоб я тебя сняла, запечатлела!
Но там, под маской, нет лица и тела.
И фотокадр окажется пустой...

Сергей Мнацаканян

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

Боже мой, ты была так хороша
в перьях глазастых павлина,
что встрепенулась слепая душа, —
нерукотворная глина...

Боже мой, этот китайский фарфор
тайного негоцианта
мне ослепляет пронзительно взор
отсветом льда и таланта.

Ты, как волчонок, подсел на иглу
этой фарфоровой девки...
Боже, сияет на каждом углу
блеском дешёвой подделки.

Вкрадчивый голос и лживая масть,
нас не поймать на мякине, —
только откуда она, эта страсть,
к этой случайной богине?

Всё почему-то в себя не приду —
пьяный от чёртовой куклы:
что-то лопочет в любовном бреде,
нижние веки подпухли.

Я не пойму, как всё это назвать —
разве что лентой Феллини...
Маску откинь, а под маской опять
светятся перья павлиньи.

Дрыхнут палаццо. Придуманный рай.
Только туристы в накладе...
Хлюпает венецианский трамвай
по загнивающей глади...

Только под утро встаёт на дыбы,
глухо клокочет лагуна
голосом невыносимой судьбы,
хриплым наречием гунна...

Снова беснуется мир молодой,
снова взрывается ярко,
снова затоплена вечной водой
чудная площадь Сан-Марко.

Волны промчатся, минуют года,
сердце затянется ряской...

Я не расстанусь с тобой — никогда,
Венецианская Маска.

Венеция, 1995; 2007

Зиновий Антонов

Поэт

«Поэт в России – больше, чем поэт!»
Е.Евтушенко

Любуюсь собой!
Каждой строчкой и краской!
Я больше – поэт?
Или больше – никто?
Поэт – это больше судьба или маска?
Поэт – это «больше»?
А больше, чем что?
Занятие древнее,
В общем-то, праздное,
Возможно, и послано свыше, зато!
Дала бы судьба больше прыти и разума...!
Поэт – это «больше, чем»?
Больше, чем кто?
Ученый, юрист, президент?
(Вряд ли б выбрали!)
Кому-то назначено вешать пальто.
Быть кем-то зачем-то,
Конечно же, выгодней,
Чем праздным поэтом в России.
И что?!

Никто никогда не ответит на это вам!
Поэт – это «больше большего» поэтому!

Андрей Голота

* * *

Неба нет. И наверное нет земли...
Всё иллюзия.. Иллюзион.
Нет огня, хоть осталось немного золы.
Белый свет плывёт, как белый слон.
Есть ли цвет.. Или только-то карнавал
Наших вымыслов, самообман.
Я и сам в формы строгие отливал
Лишь дыхание – солнечный май.
А февраль разбросал, как ненужный хлам,
И апрелем давно отболел.
Перепутал страницы, порядок глав.
Не сбылось, не забыл, не жалел.

* * *

Самоубийство выгодно и сладостно.
Всё не случайно, всё так неспроста,
И самому себе прощая слабости
Идти. И ни венца чтоб, ни креста..
Самозабывство, и о том, что связаны
Душа и тело, с мыслью пополам.
Живые знают, что умрут, как сказано,
Но затмевают бренность купола.
Самозабвенье прозвучит так ласково
На чуждой Родине уставшим от чужбин.
И не заметили, сменяя маски мы,
Когда родное стало вдруг чужим

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

в усталой люльке пространства

Земля спит и обнаруживает себя
в усталой люльке пространства
мир тщетно надеется
сорвать с себя надоевшую маску
стыд это пропасть безумств
беззащитных в общности женщин
призрачный дом бытия
всякое блядство-и-братство
глубина постели вселенской
развернется ночью-щелью
капля дождя благодатного
снова впадет в Данаю
кожею чувствую здесь оно
место вселенской могилы
мир обманул ожидания
я здесь а тебя уже нет

жизне-смерте-жизнь

лица смерти
всегда можно увидеть при жизни
покоятся пока на затылках
в ковбойских шляпах
подрагивают при ходьбе
как при езде на лошади

маски посмертного маскарада
пакуются в бумагу вороты курток
или газовые шарфики
маскируясь скрываются срываются
– поправьте шарфик –
от глаз посторонних

на затылке смеющейся жизни
всегда можно увидеть лицо смерти

протяни руку к свету
и ты увидишь улыбающиеся
жизне-линии

протяни в темноте руку
на тыльной стороне –
твои неподвижные глаза

посмотрев в глаза собственной смерти
не каждый сможет вернуться –
снова разглядеть в них жизнь

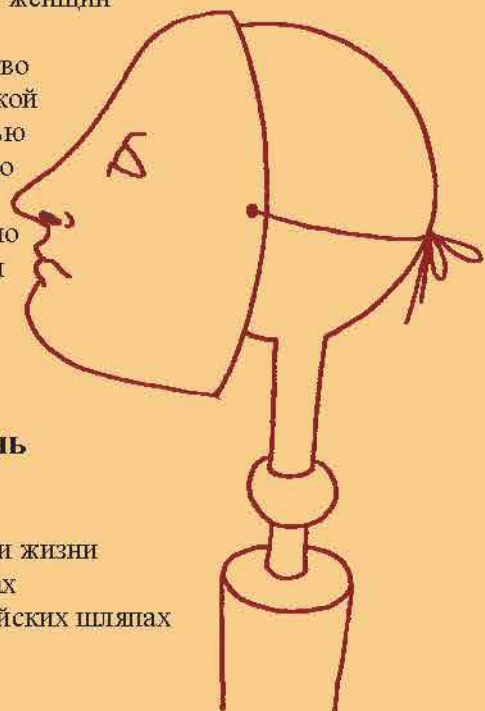

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж).

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

* * *

Этот мир притяжения
так и норовит сложить нам крылья,
и завязать узелком шнурки
на ботинках космонавта...

Многие до глубокой старости
умудряются жить в стране
неизлечимой от детства,
где каждый улетает на стрекозе
задом наперёд на тот свет,
закрытый звёздами...

Ты летишь, а другие
пусть страдают от избытка...

* * *

ляющие на людей...
Вячеслав Куприянов

я – волк
в человеческой шкуре,
верьте мне, братья!
Наши лица в масках:
пока их носим – мы люди!

* * *

я стал гражданином прошлого,
которое крестит меня каждый вечер
на сон грядущий...
только сны мои еще
проникают в будущее
завтрашнего дня,
где солнце с красной строки
горизонта каждое утро встаёт
на меня
вчерашнего
посмотреть...
неужели это ты?!

* * *

это старинное зеркало
в него когда-то видели свою молодость –
прабабушка
бабушка
мама...
и вот теперь твоё отражение
испарилось навсегда...
а дочки уехали

некому стало оживить
старинное зеркало красотой...

Владимир Павлов

Великие Луки

В ФЕВРАЛЕ...

*Александру Блоку
и Фёдору Сологубу
посвящается*

Маски-маски, тени-тени в феврале,
С ветром снежные метели,
Разгулялись на дворе.
Звали маски и вуали в феврале,
Мы любили и творили на Ойле*!
Короли в крутой игре,
Сологуб и Блок летели,
И снежинкам песни пели в феврале...

25 января 2018

** Ойле – мифическая земля в произведениях
и в эстетике Фёдора Сологуба..*

Рисунок Владимира Павлова
на заснеженном, замерзшем русле реки Ловать.
Вместо кисти использовались коньки...

ОЛЫШТЫН

[illegible]

***

ОБМАН СТЕКЛА

Пора разбить стекло.
Разбить окно.
Разбить стеклянные глаза.
Прорваться.
И продаться,
обдирая в клочья кожу.

Спаси
обмотанную в кровоподтёки душу.
Спасись,
теряя смысла крылья.
Искать, надеяться, иметь.
Держать и проклинать.

ДОС – блик

***

Бушуют будни – бубнят басы,
Никто не слышит, как бьют часы,
Никто не видит, что годы – мимо.
Непостижимо. Непоправимо.

* * *

Все для Бога равноценны,
Как пациенты для Авиценны.

**І. Бабочки на земле –
Посланцы Серафимов:
Глаза их на крыльях
Смотрят на землю,
А видят всё Небо...**

II. Стрекозы – посланцы Христа, Земной символ Его Креста...

III. Божья коровка, похоже, Морзянка Божьего промысла...

IV. Все цветы на земле –
Рассказ о Неба челе,
Так и передайте пчеле!

V. А если ты человеком родился,
Значит Богу на что-то сгодился.

* * *

Поэта спросили:
Истина где?
В кругах на воде
Или в дна иле?
Ответил: Везде,
Или – или,
То в кругах на воде,
То в дна иле...

Потом спросили:
А где же Сущий,
Тот, Всемогуший?
— Там, где пусто
И там, где густо.
И там — и там,
Примерно пополам...

Сергей Бирюков

доктор культурологии

ДООС – заузавр

Галле

Классику палиндрома
Николаю Ладыгину 115 лет

Николай Иванович Ладыгин родился в 1903 году в старинном городе Рославле Смоленской губернии. Учился в местной гимназии, славной тем, что когда-то здесь же получал образование выдающийся скульптор С. Т. Коненков. С детства Ладыгин занимался рисунком и живописью, но систематического образования ему получить не удалось. До 1941 года он сменил ряд профессий – от столяра в музыкальной мастерской до техника-изыскателя железных дорог, не оставляя при этом занятий живописью. С экспедициями Николай Иванович

исходил Урал и Север России. Серьезная травма ноги заставила его вернуться в родной город и вспомнить об увлечении рисованием. Вскоре он создает в Рославле художественную студию имени Врубеля, вступает во Всероссийское кооперативное товарищество «Художник». К сожалению, его работы рославльского периода не сохранились. Они погибли в огне войны. Уже 2 июля 1941 года город бомбит немецкая авиация. В июле шли тяжелейшие бои на Рославльском направлении. Третьего августа город был сдан. Среди тех, кому удалось уйти в тыл, была семья Ладыгиных.

Голодных и полураздетых Ладыгиных, как и тысячи других семей, приютила Тамбовщина. Остановились в селе Вельможке. Николай Иванович пошел работать в школу, а его жена Александра Ивановна – воспитателем в детдоме, где вскоре стала директором. В Вельможке задержались на целых десять лет. Жили, как и все в военные годы, скудно. Но дочери Ладыгиных Елене Николаевне запомнились веселые праздники в школе и детдоме. Душой праздников был Николай Иванович. Он сочинял пьесы и сам их ставил с детьми, придумывал оформление. «Просто поразительно, как ему все удавалось, ведь не было никаких материалов. Ничего, кроме фантазии», – вспоминает Елена Николаевна. Из такой фантазии появилось в детском доме электричество. Николай Иванович построил ветряной двигатель собственной конструкции.

Окончилась война. Ладыгины узнали, что Рославль разрушен, возвращаться было некуда. Да и в детдоме некому пока было заменить Александру Ивановну. Так и жили в Вельможке до 1952 года, когда художника Ладыгина, в 1947 году уже принявшего участие в областной выставке, уже замеченного и выполнявшего заказы, пригласили работать в областной центр.

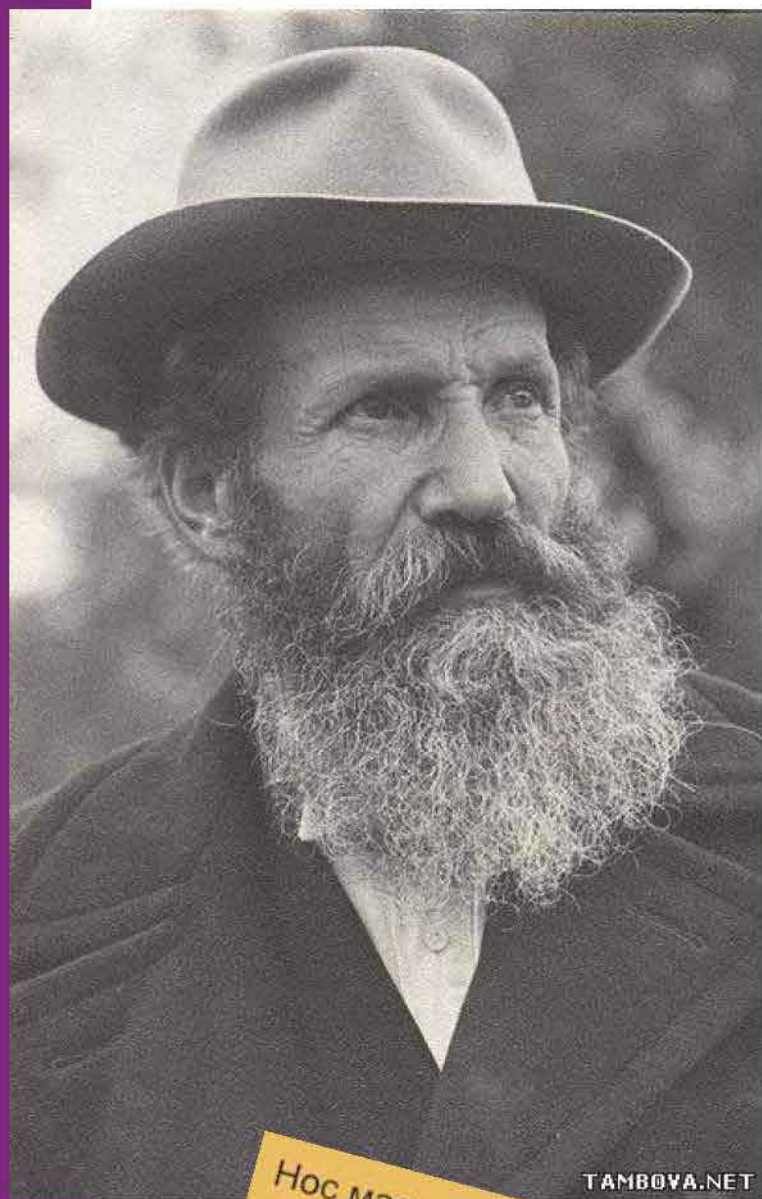
В Тамбове, городе, с которым связаны главные художественные обретения Ладыгина, он быстро сходится с местными художниками, литераторами, журналистами. Его дом известный поэт Николай Глазков позднее назовет ТДП – Тамбовский Дом Ладыгина. Во второй половине 50-х годов оживает художественная жизнь, в Тамбов часто наезжают поэты из Москвы и других городов и областей. Многие из них были гостями дома Ладыгина.

Любитель неторопливой беседы и шахмат Николай Иванович был рад гостям. Он специально готовил для них сюрпризы. То это была новая картина, то новые стихи. Николай Иванович легко писал посвящения друзьям, любил стихотворную игру. В середине 60-х годов он увлекся палиндромом.

Каждому из нас знакомы слова «казак», «шалаш». Они читаются по буквам в обе стороны. Существуют и обратимые фразы. Помнится державинская строка: «Я иду с мечем судия».

Палиндром пользовался полными правами у русских поэтов-силлабистов. Затем он практически исчезает из печати, продолжая существовать в устной традиции. И возвращается в литературу на новом этапе в XX веке. В 1913 году Велимир Хлебников пишет стихотворение «Перевертень», а в 1920 году палиндромическую поэму «Разин», включенную в первый том его пятитомного собрания произведений (собрание вышло в Ленинграде в 1928-1932 гг.).

В 1966 году Семен Кирсанов писал, что «может быть, явится поэт, который развернуто применит зеркальную рифму, и это окажется естественным...» Очевидно, эта публикация в журнале «Наука и жизнь» (1966, № 7) сыграла большую роль в том, что Николай Иванович Ладыгин перешел на

TAMBOVA.NET

Нос маски. Дик Самсон.
Или
Мудро горд ум.

Ладыгин

палиндром. И это в самом деле оказалось для него естественным. Он работал над палиндромами около десяти лет, до самой смерти, последовавшей в 1975 году, когда ему было 72 года. За эти десять лет он несколько раз пытался издать книгу своих палиндромов, обращался в разные издательства. Рукопись давали на отзыв, наряду с отрицательными были и положительные рецензии. Но в основном рецензенты были озабочены тем, что это будет «непонятно читателю», задавались риторическими для них вопросами – «стоит ли растрачивать силы на сочинение палиндромов?»

Были и другие голоса: А. Межирова, Н. Глазкова, М. Румянцевой, Ф. Сухова и некоторых других литераторов – сторонников того, чтобы ладыгинские палиндромы увидели свет. Но эти голоса не были услышаны.

Мой учитель по филфаку, литературовед Борис Николаевич Двинянинов до конца жизни размышлявший над произведениями своего друга и пришедший к метафорическому определению – «палиндром – космодром поэзии», оставил такую запись: «Палиндромы Ладыгина <...> явление исключительное в русской поэзии: по исключительному объему <...>, по разнообразию охваченных тем, глубокой разработке их в труднейшей специфической форме и безупречному мастерству в пределах реалистического метода они бесспорно уникальны в поэтическом искусстве нового времени и заслуживают самого пристального внимания читателей и глубокого изучения... Издание палиндромов Н. И. Ладыгина отдельной книгой будет праздником и хорошим подарком для всех любителей поэтического слова и несомненным шагом вперед в развитии и теории акцентного стиха и раскрытии его неограниченных возможностей».

Добрые отзывы, хранящиеся в семейном архиве Ладыгинных, в свое время помогали Николаю Ивановичу стойко переносить издательское непонимание.

Становление Ладыгина-палиндромиста проходило в постоянном общении с Б. Н. Двиняниновым, блестящим знатоком русской поэзии и, что особенно важно, поэзии первой трети XX века. Именно Двинянинов познакомил Ладыгина с творениями Хлебникова. Но Ладыгин не стал его продолжателем. Николая Ивановича (в отличие от Хлебникова) привлекала в поэзии не философия слова, а его игровые возможности. Он писал акrostихи, тавтограммы, то есть такие стихи, в которых большинство слов начинается на одну и ту же букву. Увлекался он и строгими формами. Например, написал венки сонетов. В какой-то мере он следовал одному из самых ироничных поэтов – Николаю Глазкову.

И палиндромические стихи Ладыгин поначалу писал как шуточные, сатирические. Но дело в том, что палиндром, в силу своей специфики, существенно меняет акценты. Он в значительной степени лишает стих описательности и выводит его к неожиданным обобщениям. Надо сказать, что поэт быстро это уловил и наряду с лирико-юмористическими темами стал разрабатывать и другие.

Под влиянием бесед с крупным специалистом в области древнерусской литературы Двиняниновым, была написана поэма о выдающемся писателе и религиозном деятеле протопопе Аввакуме. Здесь палиндромичность помогла воссоздать без стилизации страстный аввакумовский слог, причем не на уровне отдельных строк, даже таких мощных, как «Ада псаря и распада!», а на уровне целого. Аввакум на наших глазах как бы заново проживает жизнь, постоянно возвращаясь к прошедшим событиям, как в Житии.

В своих исторических и биографических поэмах он во многом шел от позднего Маяковского, впрочем, используя гиперболизм его ранних поэм. Метод переложения стихами

исторического материала широко применен в советской поэзии. И из-за этой необъятной широты к началу 70-х годов был сильно скомпрометирован. Оживить этот метод можно было только какой-то необычной формой. Этим и занялся Ладыгин.

Какую бы историческую поэму Ладыгина мы ни взяли, увидим, как палиндром на наших глазах углубляет уже знакомую информацию. Особенно надо отметить, что палиндромические строки Ладыгина текучи, одна строка перетекает в другую, образуя единство. Естественно, что этот принцип диктует и чтение. Вот яркий пример из маленькой поэмы «Иван Грозный», самое начало: «Ум, роняя норму, / Лих и хит».

Можно сказать об этом и как-то иначе, обыкновенным стихом, но впечатление неизбежно будет потеряно. Палиндромичность в еще большей степени, чем рифма, придает высказыванию объективность. Хотя это, как и в обычных стихах, происходит не всегда, а только в тех случаях, когда творческий заряд автора совпадает с объективной реальностью – воплощенной или угадываемой.

В лирических пейзажных стихах палиндромия выводит поэта к глубинному чувствованию и пониманию явлений природы. Палиндромия же сообщала стиху тот мощный напор, которым отличаются почти все стихотворения Ладыгина.

Вот несколько строк из стихотворения «Марево»:

О вера моя, о марево,
Вы ропот, то порыв,
Как
Ветер орете в
Окно. Так шуми, зимушка, тонко,
Намути туман,
Намашни игру пурги и шамань

В конце жизни Николай Иванович думал о возможности сплошной палиндромичности.

Палиндром – сложнейшая форма, требующая особой изощренности, огромного, непрерывно пополняющегося

словарного запаса. Николай Иванович рассказывал, что он видит слова во сне, говорит: «Слова нет в словаре, а я знаю, что оно существует». При этом он практически обходился без неологизмов, лишь иногда использовал просторечия и областные слова из Словаря Даля.

В то же время он активно использовал иностранные слова, которые в сочетании с исконно русскими давали самые неожиданные эффекты, например: «и крик кирки», «аккорд рока» и так далее.

Но все-таки слов не хватало даже в словарях, приходилось обращаться к «помощи» служебных. Это издержки обратной строки. Они неизбежны.

Можно говорить и о повторяемости в разных стихотворениях одних и тех же словосочетаний. Такие повторы бывают и у поэтов, пишущих «обычные» стихи, хотя в палиндромических стихах процент повторов явно выше. От этого трудно уйти. Но, как сказал тамбовский художник Валерий Романов «КТО ТУТ ОТК?». Эта шутивная палиндромическая строка возвращает нас к реальности: «Попробуй написать лучше».

При жизни несколько палиндромических текстов Ладыгина было напечатано в областной молодежной газете «Комсомольское знамя». В 1970-м году подборка «Времена года» вышла в московском научно-популярном журнале «Русская речь».

К сожалению, издательская судьба творений Н. И. Ладыгина не складывалась и после его кончины. В 1975 году, сразу после его смерти, друзья и близкие стали предпринимать попытки издания.

Сохранились письма Н. И. Глазкова Б. Н. Двинянинову, в которых он предлагает различные планы издания.

Неожиданный подарок друзья и поклонники поэта получили 1 января 1979 года, когда в «Комсомольской правде» появилась статья А. Левиной о творчестве Н. И. Ладыгина. Однако лишь в 1983 году в очередном выпуске «Дня поэзии» появилась первая посмертная публикация (многие тексты в отрывках и сокращении). Главные же публикации стихов Ладыгина были сделаны автором этих строк в 1987-88 годах в альманахе «Поэзия», журналах «В мире книг», «Волга», в ряде газет. Параллельно я готовил к изданию книги Ладыгина. Первая ласточка — миниатюрная книжечка «Золото лоз» — с ласточками на обложке (художник Алексей Медведев) — вышла в 1993 году при поддержке моего однокурсника, первого мэра Тамбова В. Н. Ковалёва. В начале двухтысячных вышли более полные книги «И лад и дали» (Москва, 2002), «И жар и миражи» (Тамбов, 2003), но именно эта миниатюрная книжечка, вместе с журнальными публикациями в течение десяти лет создавала особый палиндромический ореол Тамбову...

В заключение приведу несколько высказываний о творчестве Н. И. Ладыгина.

Известный лингвист, профессор В. Г. Руделев писал: «...Палиндромы Ладыгина прекрасны, это, безусловно, классический образец и огромное возвышение».

Московский критик Владислав Кулаков подчеркивал в своей рецензии, что Н. Ладыгин «один из тех мудрых поэтов, которые никогда на Руси не переводились». Эпитет «мудрый» самый точный для Н. Ладыгина, наиболее соответствующий его спокойному, ясному отношению к жизни и к искусству».

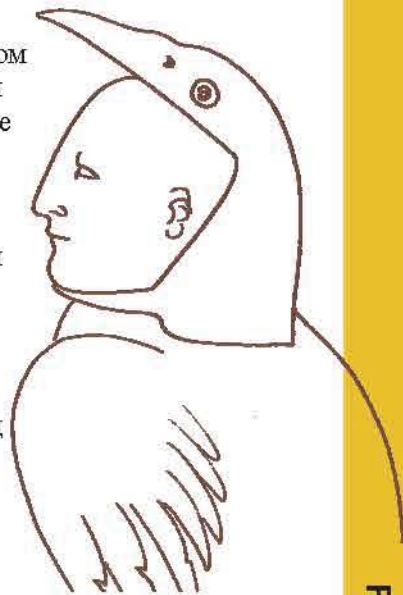
Петербургский искусствовед А. Г. Раскин отмечает: «Почти каждое его произведение обладает тяжестью золотого самородка, даже самое маленькое стихотворение отличается удивительной уплотненностью словесной материи...».

Известный поэт, философ и культуролог Константин Кедров словно на камне вырезал: «Палиндромы Ладыгина живут во всем. Взглянул на окно зимой и — «мороз улыбки дик был узором». Взглянул на картину Гогена — «окно Танти, а тонко». Почувствовал приход весны — «весна — реверанс Ев». Открыл сборник Ладыгина — «я вижу живя»».

Сергей Бирюков

МАСКЕ РАД

и ямбом и верлибром
и
юмбюмбюмбюмбюм
каким стихокалибром
каким стихобомбом
а ты не знаешь разве
что деревенеет
любая материя
до потеря
и не кажется ли вам
что миром правят
лексус и вован
кто это точно
рифмовал
тот маске точно рад
как тот орфей
идуший в ад
кто тебе сказал
может так
а может нет
сказке
в маске

Александр Раткевич

ДООС — белозавр
Полоцк

- Вся — лаконичный изгиб.
Такою представляю
в мысленном зачатъе
её, скрывающуюся
под маской счастья.
- Быть твоим младенцем,
держат в дёснах соски,
отпечатки любящих губ
ощущать на животе, на руках —
хочу.
- Прожитое — день:
вмещается в утро-вечер-ночь:
с восхода до заката — память,
остальное —
забвение.
- Твоё тело сливается с кофейным
прибрежьем.
Море — там, а здесь
ветер и волны
жаждут завладеть тобой.
- Глоток любви стоит целой жизни.
И ты не успеваешь
нужное выплатить —
часто жизнь обрывается на...

Под
маской
счастья

Рисунок Кристины Зейтунян-Беллос (Париж).

Литературов/дение

Бронислава Волкова

профессор Индианского университета
Блумингтон

Белый как свежавыпавший снег
Белый как простыня без пятен
Белый как солнца луч в полдень
Белый как борода святости
Белый как шаг в незнаемое
Белый как только что мытая рама
мой сон.

В вакуумном налёте сновидения
нет
ни боли ни предвестия.
Тихо
кладем звуки шагов
в растаявший снег
снова и снова и птицы
опять радуются зерну.
Далеко в Азии
Бог посещает землю
ужасной цунами.
Мы не знаем ни дня ни часа
выхода из этого сумасбродного поезда
причудливых снов
об осмысленности.

Лето сплыло вниз в бездну обозрения
и сегодня изменяется лес.
Летит в небо, забываемый стенами
отчаявшимися из-за покинутой земли
что дышит безутешно и бьёт в ушах
снова и снова в набат
из-за одной звезды что заходит
за небо за горы состязаясь с прахом
долгого умирания
долгого стояния
до онемения слёз и шагов
до пальцев что уже не сдерживают стон.

Ласковый свет уже похитил боль
и лекарство подаёт великолепно и далее
ослепшим очам, оглохшим равнинам.
Залитые любовью, размытые утром
расплавим пределы распознавания.

Когда танцую, я благоухаю цветами
Смеющихся косоголов.
Я минута волшебников.
Я любовь змей.
Я жажда гейзеров
и падающих звезд.
Я шелк ветреных откликов
огня.

Березы трепетали
когда делались хлебом
в тихой ночи.
Сны запрягли свои крылья
к небесным ульям.

Взошла один раз
чтобы одолеть нас
в минуту неохраемых лон
которые прослушали краткость дыхания

Я башня в небо но держусь за землю.
Я страсть тепла увянувшего дерева.
Я горестно бродячий пёс, я дешёвизна
тому заплаченная, кто не вышел
как солнце в нужный миг из дома.
Я бью в набат и в запёртые двери.
Мне б знать, как одолеть порог и разметаться в поле.
Мне б знать, как сон переступить и стать реальностью.

Пришла зима
и рассмеявшись
загородила горы.
Я выплюнула монетку
в лужицу оставшуюся от нее.
И жар разлился

печью.

Перед грохотом поездов и тел
части тела ожили и присоединились
к мертвецам.

Я мелю чепуху
и чувствую ужас искалеченных тел.
Я вожу свой расчёт
в предместья полные всякой всячины
и жду свой трамвай.
Может его уже отменили.
Тогда я сосчитаю нитки
на своей ночной рубашке...

Боль – это кривая времени
Так же как
Солнце – кривая для
Тиканье географических поясов –
Как будто
Сердце ободранное шагами

Перевела
совместно
с автором
Людмила
Салтыкова
ДООС – рязатура
Рязань

Рисунок Кристины Зейтуниан-Беллус (Париж).

НАСТРОЕНИЕ

...МЕНЯ всегда раздражали белые ночи. Белые ночи и трамваи.

Видимо, потому что они отрицали меня. Вместе с тобой. Отрицали... и уходили от меня. Всегда – от меня. Белые ночи ОТ меня. ОТ меня – трамваи. Они и тебя скрывали или увозили – ОТ...

От... от... от... всегда – от. Только – ОТ.

А я ждал – КО мне... И ты знала это.

Я тоже пробовал их не замечать.

Поднимал голову, поворачивался спиной. Просто – закрывал глаза...

Но напускная гордыня оборачивалась бессонницей. Или – сбитыми ногами, гудящими от пройденных километров. Поражением, нет... тоской.

...Есть на Севере болезнь. МОРОКИ – МЕРЯЧКА – так её называют северные люди.

Болезнь снегов и света. Болезнь... Красоты! Болезнь слабости и одиночества.

Неприяття Природой – Человека. Непрошения Блудного Сына.

Здесь человек живёт день. Месяц. Несколько месяцев.

Над ним – дёргается Небо. Над ним – изгибается, колышется, взрывается и ревет Небо. Ревёт, бушует Свет. Свет... Свет и Цвет. Краски. Свето-краски!

Зелёные, розовые, красные, оранжевые, голубые. Фиолетовые, оранжевые. Оранжевые, как абрикос – на исчерна-синем холоде ночи. Оранжевые. ОРАНЖЕ...

– Потушите Небо! – выскакивает в снег и кричит человек. Человечек – под колышущимся, раскалённым морозом небом. – По-отушите небо... Потуши... туши...

... Ушёл, наверное, последний трамвай?

Посмотри: под ногами теплятся каштаны. Влажные каштаны, за коричневым их глянецом – сочувствие, там жизнь – за глянцево-влажной коричневой кожей.

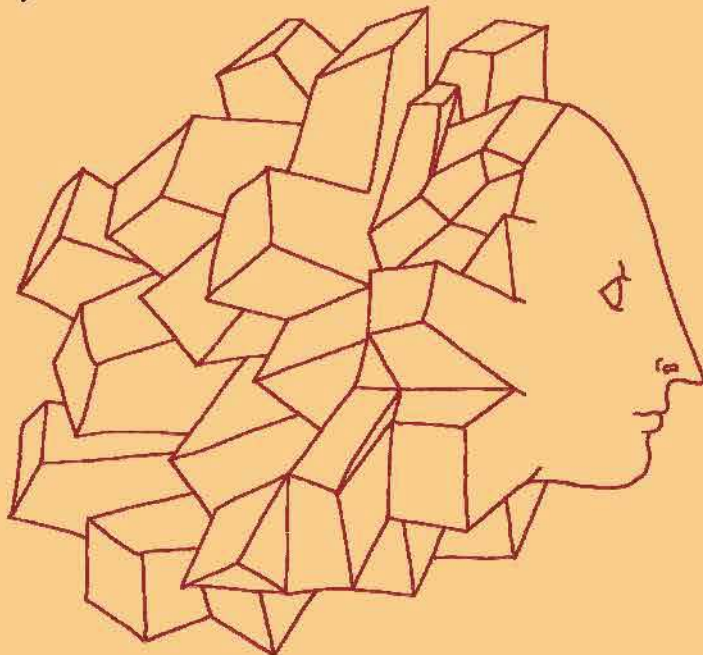
Ты набираешь пригоршни каштанов. Матово-влажных. Жажущих тепла и земли. Жажущих своего слияния, возвращения в её, Земли, лоно.

И ты просыпаешься ночью, и тянешься к их сочувственному теплу... Ты уверена, что можно вобрать в себя это тепло – и ничем не отвечать?

К утру каштаны засыхают. Чего, кажется, не доставало им? – Немногого, как и нам: разделённости их одиночества. Земли. Слияния...

Ещё ползает белая ночь. Уже взвизгнули трамваи.

– Потуши... ПО-ТУ-ШШШШ-ТЕ-НЕ-БО!..

* * *

Читайте

Хлебникова,

господа, –

и не говорите, что вы

новаторы,

и Вийона откройте,

судари,

или Парнй:

пристало ль кичиться

«свободой выражений»;

к Баркова стиху обратитесь,

дурнословицы,

и не пижоньтесь –

цинизмом,

в Босха взглядитесь,

умники, –

и не пугайте меня –

«авангардом»;

и Полоцкий,

как Мосх еще во время Оно

стихами составлял фигуры;

а цвето-смёрчи

Ван-Гога

и ныне возносятся к Богу;

хоть

Гойи

листы обнажите –

и оглянитесь на зеркало:

«Капричос» –

перевожу я на русский –

уроды...

мы – лишь продолжение...

(лишь строчка

криво написанного

стихотворенья...)

* * *

уже не кровь

в тебе:

в Тебе –

– Время:

– с глазами – тех –

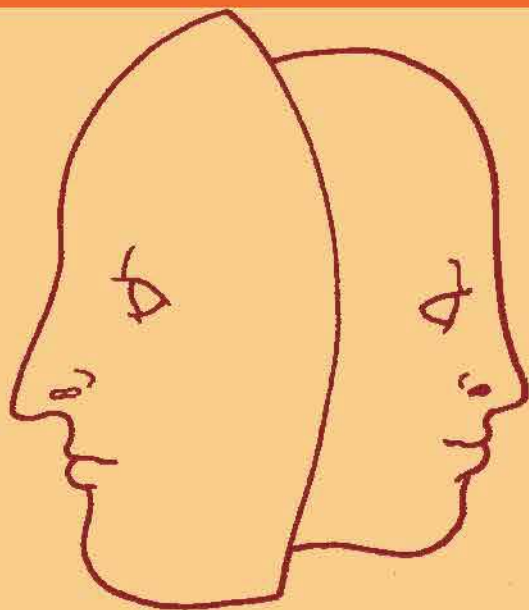
– ушедших –

– шелестящих

твоими снами.

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус
(Париж).

*«Девушка, которая с первым лучом солнца
положит на могилу Бируте цветок,
найдёт его вечером в руках суженого...»
(...в Паланге)*

Осень осыпала золотом землю, но хризантемы на клумбе за соседской оградой ещё снежно белеют среди пожухлой травы. Последний Дар золотой Осени.

«АЛЛО, ты сейчас выйдешь, и мы поедem... мы уедem... совсем уедem!»

– Но... ты?! Здравствуй, для начала! Откуда...

«Конечно – здравствуй. ЗДРАВСТВУЙ! Я жду тебя, и она ждёт – Бируте. Ты ведь не забыла её?»

– Забыла-а?! Ты...

...Весталке нельзя любить. Только для Бога горит твой костёр. Ты забылась, Бируте? Ты не можешь – не должна – смотреть в глаза смертному. Даже – князю. Твоему – Князю. А ты – Любишь! Любишь? – так не оглядывайся!

Бойся, Бируте, – кричат! – Страшна месть за Твою любовь. Не Бога месть, нет – что Богу до маленькой весталки, закланной людьми Ему в невесты. Закланной людьми, чтобы откупиться за свои грехи. Страшна месть оскорблённого шептания, обиженной надежды на спасение. Чувствуешь, какие взгляды змеятся по твоим плечам?..

Оглянись: слабеет огонь, который тебя обрекли поддерживать. Вернись – и опустятся руки, уже поднимающие камни в пыли собственных маленьких страстей. Вернись... забудь Князя и заглуши биение своего сердца, успокой дыхание, так вызывающе обостряющее грудь. Вернись, забудь – тебе, как прежде, будет сытно и покойно – бесстрастно и ровнохладно. Вернись – это просвистел первый камень... его скоро назовут Гроном, этот камень. Так удобно – взвалить на богов и гром от них... Они похоронят твою любовь... чтобы потом... позже... много позже петь о тебе, Весталка, грустные песни...

Шумит в соснах прибой. Что-то шепчут ветру дюны. Тает под луною выплеснутый морем янтарь...

«Послушай, зачем ты встаёшь так рано? Где нашла ты цветок такой поздней осенью? Вернись: ты заклана, по плечам твоим уже змеятся взгляды оскоплённых кастриуль. Вернись – тянутся руки за камнем, обернутым в сплетню...»

– Алло, я ведь могу... могу поднять этот цветок!..

Тает поднятый тобою янтарь.

Поздравляем!

Михаил Горбунов

МАСКИ

1.

За окошком вечер мглист.
В зеркале вдвоём с собою.
Он – затейник и артист,
пересмешник и трепло,
Я – заядлый скандалист.
С ним забавно и тепло.
Неразлучны оба двое:
в масках мы вершим обряд –
зазеркалья маскарад.

2.

То лицо проступит за маской,
то личина, сокрытая в нём.
То лицо зардеется краской,
то глазницы сверкнут злым огнём.

3.

Маскарад
муку-скуку
в нас з а п р е щ а е т.
Маскам рад –
ты жив покуда...

Маска-смерть,
эка сука,
нас п р е к р а щ а е т.
Всех подряд –
и нету чуда...

4.

Судьба – капризный режиссёр
нас словно маски выбирает.
Но тот талантливый актёр,
не маску кто – себя играет.

5.

Доброта негаданно-нежданно
обличия меняет постоянно:
расстроенное напрочь фортепьяно
готово скрасить силпое сопрано,
а трагику пропившийся простак
пожертвует на опохмел пятак
и щедро, от души, за просто так
свои обноски раздает бедняк...

Я – в масках:
то злодей,
а то добряк...

Александр Князев

Санкт-Петербург

* * *

Анастасии Вертинской

Вы снитесь мне Пьеро:
изломанные руки,
зрачки горят впотьмах
и голос хрипотцой.
Вливаются в меня
таинственные звуки
и невозможный стон
Офелии немой...

И вновь схожу с ума
на коврике у сцены,
и Ваше декольте
выплёскивает грудь...

Блистательный Мольер,
отверзните мне вены!
Зачем и отчего? —
поймём когда-нибудь...

25.01.2015, 4:00

Алла Ивашинцева

Санкт-Петербург

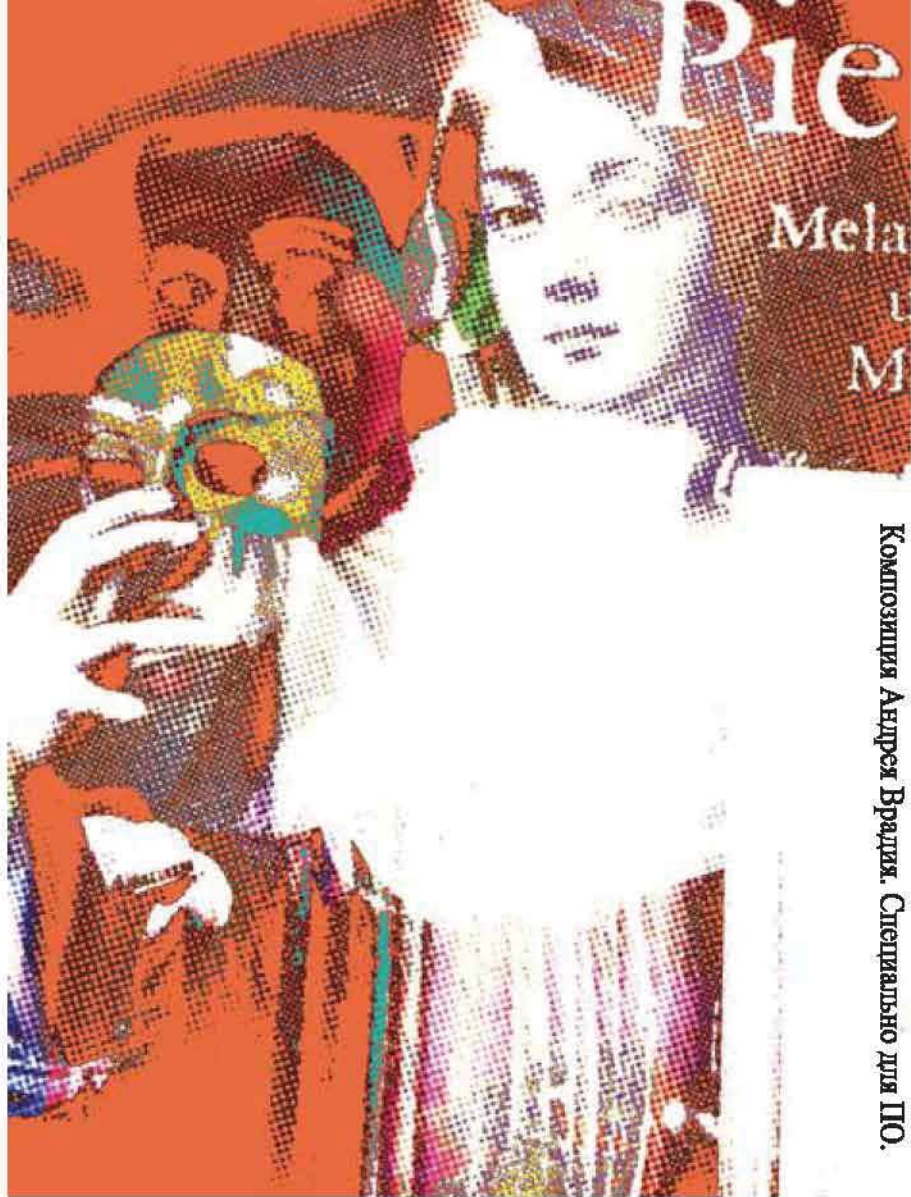
* * *

Сцены холод вдохнув,
хризантемой, завитой, золотой,
на нездешнюю птицу похожей,
молчу...

О несовершенстве в целом,
о несуразной душе на сцене
в разливанном море эмоций,
о чувстве вины
перед всеми в партере.

В зале притихшем
незатейливо стая
распылится в улыбке,
означенной занавесом театральным.

Белые блики на платье.
Запах слабый
вроде травы мокрой,
как будто вступила ногой босою,
немым вскриком,
птицей в небесах скрытой,
крыльев взмахом,
вздохом тихим
душу вам приоткрою.

Композиция Андрея Брадика. Специально для ПО.

Андрей Сутоцкий

Мончегорск

НЕ ПОЛНОСТЬЮ

От чего же душе моей снова не весело?
Где свернул я с пути и пошёл ковылять?
Невозможно в любви удержать равновесие...
И чем краше брильянт, тем удобней терять...
Удивительный факт: не выходит не нервничать,
Дабы выровнять слог, не шутая в словах.
Разбивают сердца аккуратные мелочи,
Что нельзя обойти и... пе-ре-та-со-вать...
Никакой маскарад не спасёт от падения.
Гложет совесть в зацеп, а вины — не найти,
Чтоб спокойно войти в эпицентр осуждения
И, как жертву, себя на алтарь принести.
Кто, скажи, оградит от неверного помысла
И прицельной стрелы оскорбительных фраз?
От того, может быть, мы и любим не полностью,
Чтобы наша любовь не оставила нас.

Андрей Александер

Мюнхен/Москва

Фотографии
автора

МАСКИ РИО и НАСТОЯЩЕЕ ЛИЦО

Кожа цвета шоколадного мороженого

Кто из нас не пал жертвой фразы Остапа Бендера: «Нет, это не РИО де ЖАНЕЙРО!»?

Желание командора было столь пылким, а цель столь ясной, что до сих пор для многих город в Бразилии заманчивее и соблазнительнее, чем Париж, Лондон или даже Новые Васьки. «Два миллиона жителей и все в белых штанах!»

Подсознательная расшифровка этой незамысловатой фразы сформировала в нас комплекс неполноценности. Хотя бы раз в жизни нам хочется увидеть мечту Великого Комбинатора всех времен и народов.

Другие литературно-драматические источники пополняют бразильское клише попугаями, крокодилками и обезьянами, которыми в наше время никого не удивишь, но это придает портрету Бразилии известную экзотику.

Футбол вообще никого не удивляет, но это первое, что приходит на ум при слове «бразилец».

Карнавал – завораживает! Ну, как же можно быть равнодушным при виде полуобнаженной красавицы-мулатки с цветом кожи шоколадного мороженого!

Облом

Хочу заявить официально: когда я появился в белых штанах на набережной Копакабаны, я был единственным, кто имел их! Тысячи людей вокруг – а я, как в пустыне! Этот почти фадеевский облом заставил меня в конце дня сесть за письмо.

Дорогой Остап Ибрагимович!

Пишу Вам из Рио де Жанейро, куда вы так стремились, но не добрались. Может, и к лучшему...

Представьте себе – почти десять миллионов жителей и никого в белых штанах! Как бы вы были разочарованы! Здесь все ходят в шортах, но днем – чаще всего просто в купальниках. Причем, купальники весьма символичны. Их не только трудно описать, но и заметить. Иногда это просто лоскутки на тесемочках. Иногда – только тесемочки. И чем незаметнее этот наряд – тем он дороже. Вы бы сделали на этом миллионы!

На пляжах люди не столько загорают, сколько прячутся от солнца под огромными зонтами. Весь пляж в зонтах! У кого нет зонтов – те под пальмами. Но пальм мало, бразильцам пальмы мешают играть в футбол. Все побережье – футбольное поле на песке. Вы не поверите, но даже в волейбол здесь играют ногами.

Жара... В часах на столбах, разбросанных по всему городу, встроены электронные термометры. Все показывают по-разному. Утром в девять 28°-30°C, далее – вообще трехзначные числа! Черноморск показался бы Вам раем. Самый продаваемый здесь продукт – вода. Самая обычная вода в бутылках. Простой воды из-под крана не найти. Ни колонки тебе, ни колодца. Только за деньги. Вы бы сделали на этом миллионы!

Питьевой рынок огромен: от коки до «некоки».

Но самое лучшее – каковский сок, который можно пить сразу из скорлупы ореха. Продавец большущим ножом разрубает скорлупу, и пей из соломки до дна. Но и выпив до дна, это еще не вечер. Потом продавец разрубает орех пополам и дает ложку. Вот это уж

действительно «райское наслаждение»! Внутренность ореха покрыта тонким мягким слоем белого мармелада. Можно ложку проглотить!

Вы бы на одних ложках сделали миллионы!

Теперь о главном! Поговорим за «камни»... Полный облом! Это было центральной ошибкой всего вашего плана.

Сюда с бриллиантами приезжать, что в Тулу со своим самоваром. Бриллиантов – море! Самое большое предприятие на этой ниве – ювелирный концерн «Stem». Каждому туристу, приезжающему в Рио, они дают подарок: небольшое украшение из черного агата в виде фиги. Так что, если бы вы приехали в город Вашей мечты, то фига была вам обеспечена. Подарок этот символический и, если верить прилагающейся к нему инструкции на пяти языках, включая русский, то комбинация из трех пальцев означает здесь мужское плодородие.

Сказать честно, сувенирчик крошечный, фига – микроскопичная. О каком плодородии может идти речь? Так что сувенирчик, предназначенный для ношения на шее, я положил в карман. Надежнее и ближе к теме!

И все-таки жить здесь – роскошь! Люди – открытые, прямо до неприличия.

Послушайте сюда: камни лучше сдать еще в Одессе и, переведя деньги на счет любого детского дома, ехать на теплоту. Вы здесь из песка сделаете миллионы!

В маске грабителя

Когда утренними глазами пробегаешь московскую газету, не рассчитываешь на новости из Бразилии. Это независимая страна, потому что от нее ничего не зависит. Какую политическую роль она играет, известно только политикам. Но вопреки «информационной блокаде» известно, что законы там есть и правила тоже.

История, рассказанная мне в баре отеля «IPANEMA», открывает глаза на менталитет бразильцев.

Так вот, кражей века назвали в Европе ограбление почтового поезда в Англии, случившееся в 60-х годах прошлого столетия. Тогда преступникам удалось остановить почтовый поезд и выгрузить из него 120 мешков денег на сумму более двух миллионов фунтов!

Шотланд Ярд сумел арестовать всех преступников. Однако Ронни Биггс, осужденный на 30 лет, бежал из тюрьмы. Интерпол год за годом обшаривали все уголки мира в поисках опасного преступника, но поймать его не удавалось. Наконец сыщики накрыли Биггса в Бразилии, в Рио-де-Жанейро, где он спокойно жил уже несколько лет. Спокойно – значит не нарушал бразильских законов и был примерным отцом семейства.

На запрос Великобритании о выдаче гангстера последовал ответ, суть которого заключалась в том, что бразильские законы стоят на страже семьи. Посудите сами: если выдать Биггса, то бразильский ребенок останется без отца, а бразильская женщина – без мужа. А это противоречит законам Бразилии.

Так и жил на свободе самый большой грабитель всех времен и народов. Вор должен сидеть в тюрьме? Может быть. Только вот законы не позволяют!

Между зеленым и красным

Вот уже много лет дорожная полиция Бразилии борется с укоренившейся традицией водителей ездить на красный свет. Поэтому, увидев зеленый, не спешите переходить улицу. В этот момент, возможно, кто-то из водителей опаздывает на семейный ужин, чего никак допустить нельзя, ибо семья священна!

Подобно итальянцам мужское население страны — это баловни судьбы. Они с детства воспитываются мамами в полном противоречии с учением Макаренко «труд создает человека». В Бразилии человека создает толстая золотая цепь на шее, красивый перстень, дорогой автомобиль, хороший дом... Мужчины в тридцать — это все еще маменькины сыночки и этим гордятся.

Перед женитьбой мужчина должен обязательно спросить согласия папы невесты; и если он согласен, обручиться с избранницей. С этого момента начинается подготовка к свадьбе. Молодым покупается квартира или строится дом. Когда все готово, назначается свадьба. Это одно из самых торжественных и веселых мероприятий в жизни бразильцев.

В семьдесят мужчина в самом соку. Он гладко причесывает черные прямые волосы, обдаёт себя дорогим парфюмом и отправляется на вечернюю прогулку с мыслями подцепить какую-нибудь «юбку».

Прощаться с жизнью бразилец предпочитают быстро. Похороны в тот же день. В память о нем будут зажжены свечи. Другого повода для свеч в Бразилии нет. Вот здесь, пожалуй, бразилец впервые останавливается на красный свет. Объяснение, почему так часто путается красный и зеленый, можно попытаться найти в самих бразильских брошюрках о

правилах вождения автомобиля. Они написаны так, что очень серьезно к ним отнестись нельзя: «Если одной рукой вы ведете автомобиль, а второй обнимаете девушку, и то, и другое вы делаете плохо!»

Карнавал

Долгожданные фиолетовые сумерки сползают с гор, принося с собой легкий прохладный бриз и жажду наслаждений. Огромные пляжи Копакабана, Ипанема, Леблон, километры нежнейшего золотого песка, становятся пустыней. Темнота отнимает у тридцатиметрового бетонного Христа постамент, делает гору Коркавадо невидимой, и основатель религии, освещенный прожекторами, парит высоко над городом, благословляя своими расправленными, как крылья, руками весь мир. Сегодня взору Спасителя открывается необыкновенное по красоте ночное зрелище, которого, может быть, он ждал с таким же нетерпением, как и жители города.

Карнавал! Точнее, в Рио два карнавала. Один для себя — на набережных, забитых до отказа толпой в потертых джинсовых шортах, мокрых от пота майках, с детьми на шее и улыбками на лице. Это похоже на празднование Первого мая советских времен, но в ночное время, без милиции, без заградительных барьеров, армейских подразделений в бронетранспортерах и лозунгов с трибун. Ее величество Анархия правит балом.

Толпы лоснящихся полураздетых людей движутся без плакатов и лозунгов из ниоткуда в никуда, крутя бедрами под надрывный грохот фонограммы, извергаемой гигантскими колонками с плывущего по морю людей грузовика.

Танцевать в такой тесноте какой-либо другой танец, по

правде говоря, просто невозможно. Видимо, поэтому, самба ничего общего не имеет с танцем в присядку. С лезгинкой ее роднит не размахивание руками, а азарт. С сиртаки танец огненной Бразилии лучше вообще не сравнивать — разные миры!

Самба — эротичное вздрагивание бедер. И если учесть, что нижняя часть тела бразильянок существенно отличается от европейского стандарта роскошными округлыми формами, то вздрагивание превращается в хореографию и будоражит мужской рассудок.

Тут я могу дать совет мужчинам, которые хотят отыскать в Рио подругу: **закрываете глаза, врзаетесь в толпу прохожих и хватаете первую попавшуюся жертву. Открываете глаза — фотомодел!** Не ищите жриц любви у дискотеки «HALPY». Не потому, что это опасно, а потому, что занятие любовью входит в планы довольно многих милых девочек, выходящих пройтись по ночному городу.

Эротика здесь сквозит во всем — от купальников «Нитка для чистки зубов», до неспешного потягивания рома с толченым льдом и мелко нарезанными ломтиками лимона — Кальперинья. Немудрено, что самба довольно быстро и часто переходит в горизонтальное положение где-нибудь на пляже, на все еще теплом песке под мерный размеренный шорох волн Атлантического океана. Заниматься любовью вне своих спален — одна из особенностей жителей любимого города Остапа Бендера. Не потому ли «белые штаны» так возбуждали воображение великого комбинатора?

Второй карнавал — для туристов; тот самый, который видит не только Христос с горы Коркавадо, но и тот, что вознесся на небо две тысячи лет назад; ибо свет иллюминации бразильского праздника души и тела способен осветить даже темную сторону Луны.

Но даже если бы Вселенная была слепа, она бы услышала ритм самбы. Грохот стоит такой, что переговариваться можно только в краткие минуты затишья перед боем, когда одна процессия прошла, а вторая только готовится в полном смысле **блеснуть** перед публикой. Я думаю, по силе звука бразильцы где-то на втором-третьем месте после Pink Floyd и московского метро.

Почему мы думаем, что карнавал — народный обычай? Первый, народный, может быть. Но второй, для публики — это откровенное шоу! Такое же, как на Танти и во многих других экзотических местах нашей планеты. Девушки танцуют «танец пупка» в набедренных повязках, прикрыв грудь половинками кокосового ореха, а потом затягиваются в джинсы и футболки.

И всё-таки это шоу стоит посмотреть! Улица, на которой происходит сакральное действо, напоминает взлетную полосу аэродрома, скрещенную с ареной Лужников — 80 000 мест для зрителей!

Эта улица не имеет ни перекрестков, ни светофоров, но у нее есть ложь и партер. Построенная где-то на пустыре, в стороне от центра города, в дневное время она заметна только из-за своих бетонных трибун. Так что залезть на соседнюю крышу дома не удастся. Если вы хотите хоть что-то увидеть, придется брать билеты. Дорогие — в первые ряды от процессии — и дешевые подальше. Ни в первом, ни во втором случае вы не пожалеете. У меня до сих пор перед глазами стоит видение, оставшееся после первого посещения Самбадрона.

Огромные разукрашенные подиумы с десятками танцоров медленно, как в замедленной съемке, плывут перед трибунами. Мулатки кольшут бедрами в такт ритму, излучая из порупругого золотого тела невообразимую красоту.

Карнавальные костюмы, готовящиеся ровно год всего лишь для одного шоу, поражают своей феерической фантазией: от напрочь закрытых вариантов до диаметрально противоположного напрочь! Открытыми их тоже не назовешь. Скорее отсутствие таковых. Некоторые танцовщицы идут только в одном поту, прикрыв место соединения ног бисерным

лоскутком. К этому добавляются еще блестки по всему телу, но не всегда.

К полуночи я почувствовал спад уровня адреналина в крови. Организм спешно вырабатывал иммунитет. Я был уже уверен, что доживу до утра, выдержав непомерный натиск красоты, но сделал непростительную ошибку, вставив в свой «Сапон» телеобъектив. Вся фигура танцовщиц в кадр не помещалась, и я рассматривал их по частям. И вот тогда я увидел Её: небесная, неподражаемая — она плыла на самом верхнем уровне подиума, передвигаемого мускулами темнокожих атлетов. Трибуны визжали от ее вида, заливая красавицу сербром фотовспышек. Пока я пытался закрыть рот, а потом спешно менял объектив, колонна с «Мисс Вселенной» прошла нашу трибуну и медленно уходила в вечность.

Нашаривая в кармане корочки журналиста, с мыслью «нет, от меня так просто не уйдешь!», я ринулся к заградительной сетке, и мне чудом удалось пройти невоенные, похожие по методам работы на наших дружинников, заградительные силы безопасности. Когда я долетел до подиума, моя красавица уже спустилась с небес на землю и отстегивала головной убор из страусовых перьев. Потом резко, заученным движением, рванула сзади лифчик, и он упал к ее ногам. Вся красота теперь была спрятана лишь туманом духов «Shanel №5».

Мои руки держали фотоаппарат, делающий 8 снимков в секунду, но я не сделал ни одного. Чудо красоты проплыло мимо меня, оказавшись выше моей макушки (183 см) на полголовы.

Теперь я знаю, как выглядит настоящая Красота: большие глубокие глаза; тонкий нос с легкой горбинкой; оригинально очерченные влажные вспухшие губы и тонко подбритые, не сразу заметные, усы. Еще бывают у местных «красавиц» клиновидные бородки. Именно на карнавале в Рио я понял считавшуюся шуткой фразу: самые красивые женщины — это мужчины!

Последняя процессия карнавала заканчивает свой 90-минутный марафон в пять, когда небо уже светлеет, и Иисус Христос возвращается на свой постамент.

Я возвращаюсь в гостиницу, падаю в кровать и не могу уснуть.

Александр Карпенко

ДООС – афганозавр

ПОРТРЕТ, КОТОРОГО НЕТ

Вас ещё нет. И облик Ваш
Ещё и Господу не ясен –
И тщетно рвётся карандаш
Запечатлеть, как он прекрасен.

И только ангелы правы,
Вам открывая ширь для роста:
Пока что Вы – совсем не Вы!
Вы – только поступь, Божья поступь!

Но всё ж Вы есть. Иль что там в Вас
Томясь, витийствует под грудью,
Вас наполняя всякий раз
Немыслимой, неожиданной сутью?

О Вас печётся мир, любя,
Перемещает Вам границы –
Сокровища внутри себя.
Лицо, которое творится.

Ольга Журавлёва

ДООС – стрекожур

от С.М.

Как у дремлющей кошки щека...
Выше – пара прищуренных глаз...
Близко ты, но не смеет рука
Прикоснуться к тебе сейчас,
Ты неслышно вступаешь в ночь
Под покров её темноты,
Ты реликтовых джунглей дочь,
Ты.....

И количество жертв твоих
Возрастает день ото дня,
Ты уже позабыла о них,
Доедая глазами меня.
Я не спорю: это – Любовь,
Хоть, конеШное дело – война,
Хочешь взять меня – я готов!
На!

Композиция Андрея Врадина, 2017. Специально для ПО

Лариса Пушина

Владивосток

ЗАМОК РОЗ

Сказка-облик Розенборга,
много роз вокруг легенды,
где балы, туман восторга,
знатные интеллигенты,
драгоценностей прибой,
взглядов ясные глубины.
Тиши пиксельные пой
льдисто непоколебимы.

Переход в изгибы сада,
в переливы юных явей,
контур счастья амперсанда
над живым цветком
кудрявей,
лебеди на водоёме
будто ты и я сегодня,
гармоничность на подъёме,
к берегу покоя сходя.

Лепестков напевны тени,
Дарвина шекспирить могут,
автора «Любви растений»,
фантастичной к эпилогу,
в каждой строчке окрылённой,
изумляющей любого:
узнавание вкраплённо,
лунное, как тайны лова.

Ты взгляни, любимый, в Hella,
не поверх, а вдаль,
где римский
дух поэзий роз, новелла,
нежная по-херувимски,
Теофраст ваяет книги,
Возрождение – картины,
ноты аромата – миги,
что почти невозвратимы.

ДООС – волкозавр
Элиста

Беспечною не была —
я притворялась.
Всегда я в заботах жила —
умело скрывалось.
Весёлою не была —
я притворялась,
Веселье беспечным дано,
я напрягалась.
Смелою не была —
я притворялась.
Других защитить могла,
себя — не решалась.
Честною не была —
я притворялась.
Себе я так много лгала —
другим не досталось.
Сильною не была —
я притворялась.
Себе изменяла самой,
я — прогибалась.
Любимою не была —
я притворялась.
Того, что хочу, не нашла,
взяла, что досталось.
Счастливою разве была?
Я притворялась...
В утуду другим всё жила...
Себе не досталась.

***

Господи, прости, но ты напутал –
Память стёр, долги же предъявил,
В серых буднях, как в силках, запутал
И в насмешку крылья подарил.

Опять мне снишься, сотни дней подряд.
И днём, и ночью длится маскарад.
Два сразу – ты! И третий так похож!
Прошу, любимый, разум не тревожь!
Как быть со всеми? Я всегда твоя.
Не скажут – неразборчивая я.
Прошу, любимый, сердце пожалей.
Дай отдохнуть на день, на пару дней.
Свободы не прошу – не волен ты
Освободить мне душу и мечты.
Прошу, любимый, дай покоя мне:
Гореть разлукой в медленном огне.

Елена Краснощекова
«Маски» (холст, масло).

Лев Залесский

Из истории творческих соревнований Взгляд со стороны

Значительную часть сознательной своей жизни ваш покорный слуга провёл в первой половине XVIII столетия. Несмотря на это он так и не смог досконально разобраться в отчаянных перипетиях целого венка сюжетов, связанных с поединками среди известных музыкантов, шутками на эту тему, масками, под которыми те или иные исторические персонажи выступали в этих сюжетах и шутках. Речь ведь идёт не только о творческих соревнованиях, но и реальных схватках — с жертвами и членовредительством. Музыканты здесь отметились куда скромнее, чем литераторы. И это понятно: руки надобно было беречь! Даже самые отчаянные среди них — певцы, старались не рисковать зубами; протезирование ещё не достигло такого высокого уровня, как в наши дни. Начнём, однако, по порядку...

ВОЛШЕБНАЯ ПУГОВИЦА

Историки и журналисты зачастую называют дуэль столкновение Георга Фридриха Генделя и Иоганна Маттезона, омрачившее один из премьерных спектаклей оперы Маттезона «Клеопатра» 5 декабря 1704 года. Но это была не дуэль, а банальная драка, которая, тем не менее, могла стоить жизни обоим выдающимся музыкантам.

Что же произошло?

Маттезон, который руководил оркестром и одновременно исполнял одну из главных вокальных партий (Антония), время от времени вынужден был оставлять клавишин и подниматься на сцену. По предварительной договорённости за клавишином его сменял Гендель, который все остальное время играл в оркестре на скрипке. В один прекрасный момент, когда Маттезон, исполнив сложную арию, вновь устремился за клавиатуру, Гендель не пожелал уступить ему капельмейстерское место. Маттезон настаивал. Гендель продолжал играть. Маттезон потянул его за камзол. Гендель зацепился за инструмент ногами. Маттезон дернул что было сил. Гендель упал, но быстро поднялся и выхватил шпагу. Маттезон тоже. И началось! Разгоряченные музыканты буквально выкатились в зрительный зал, а оттуда на улицу, нанося друг другу ощутимые удары...

К счастью, дружеские отношения между ними вскоре были восстановлены.

Однако страшно представить, какие чудовищные последствия могло бы иметь это событие, не сломай Гендель свою шпагу о пуговицу Маттезона... О, это была волшебная пуговица! Она сделала возможным расцвет музыкально-теоретических дисциплин и эстетики барокко, обеспечила триумф барочной музыкальной культуры в Англии и Германии. Странно, что ей не нашлось места в музее...

ЕЩЁ РАЗ О «НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ВСТРЕЧЕ»

В почтенном облике Иоганна Себастьяна Баха нелегко рассмотреть черты дуэлянта, но примерно в то же время, когда Гендель сцепился с Маттезоном в Гамбурге, у Баха произошел инцидент с одним его великовозрастным учеником в Арнштадте. Ученик (имя его было Гейерсбах) не выказывал рвения в игре на фаготе, и на одной из репетиций Бах в сердцах окрестил его «свинячьим фаготистом». Мальчик обиделся, да так, что подговорил друзей проучить наставника.

Хлебнув для храбрости, компания вооружилась дубинами и подкараулила молодого кантора у арнштадтской Новой церкви, где тот допоздна засиживался за органом. Обнаружив за оградой агрессивно настроенных молодых людей, Бах выхватил свою маленькую шпажку (в соответствии с традицией ее носили как принадлежность костюма) и дал нападающим такой яростный отпор, что, по многочисленным свидетельствам, «одежда их оказалась разорванной в клочья».

В сентябре 1717 г. Баху пришлось принять участие в интриге, которую затеяли первый министр саксонского двора граф Флеминг и русский посол Кайзерлинг. Два именитых сановника решили столкнуть Иоганна Себастьяна и знаменитого французского виртуоза Луи Маршана в своеобразной музыкальной дуэли. Среди свидетелей необъявленного поединка были сам курфюрст саксонский и король польский Фридрих Август, князь Леопольд Ангальт-Кетенский (будущий покровитель Баха) и другие именитые господа и дамы, по выражению первого биографа Баха Форкеля, «общество обоего пола». Вот эта история, записанная со слов старшего сына композитора, Вильгельма Фридемана Баха:

«Бах прибыл в Дрезден и был (с согласия короля, так, что Маршан не знал об этом) допущен слушателем на ближайший концерт при дворе. Когда в числе других на этом концерте выступил Маршан с французской песенкой и ему очень много аплодировали за его чистое и пламенное исполнение и за искусные вариации, то затем стоящий возле него Бах был приглашен попробовать клавиш. Он принял приглашение, прелюдовал кратко, но мастерски, и прежде, нежели могли этого ожидать, повторил песенку, сыгранную Маршаном, и варьировал ее с новым искусством, еще никогда неслыханным способом, дюжину раз. Маршан, который до сих пор не уступал ни одному органисту, должен был, без сомнения, признать превосходство теперешнего своего противника. Ибо, когда Бах позволил себе одного на дружеское состязание на органе пригласить и под конец предложил ему тему, набросанную карандашом на листочке бумаги (для обработки ее без подготовки, попросив у него тему и для себя), то господин Маршан на избранном поле сражения не показался и за более полезное счел с экстрапточкой из Дрездена удалиться...»

Обратили внимание? Флеминг и Кайзерлинг действовали «с согласия короля, так, что Маршан не знал об этом». А Бах, по-видимому, не знал, что Маршан не знает...

Назначенный концерт состоялся. Бах музицировал несколько часов кряду и заслужил весьма теплый прием. Сам король обратился к нему и спросил: «Каким образом удалось достичь столь высокого мастерства?» Бах будто бы ответил: «Мне пришлось много трудиться, Ваше Величество. Если кто захочет быть столь же прилежным, то сможет пойти так же далеко».

Что же Маршан? Его триумф был сорван, авторитет поколеблен. Бах, напротив, приобрел на музыкальном поприще известность удачливого бретера... Как же отнесся к этому сам композитор? Он с нескрываемым неудовольствием вспоминал об этой своей «победе» и невольном участии в публичном унижении талантливого коллеги, к тому же гостя.

Кажется, существует еще одна причина неприязненности этих воспоминаний, которая почему-то ускользнула из поля зрения биографов Баха. Многие годы маэстро мечтал о

встрече с Генделем, в котором видел единомышленника, сочинения которого переписывал и бережно хранил. Такой случай представился в июне 1729 года. Прославленный Гендель, уже давно обосновавшийся в Англии, ненадолго посетил свою родину, Галле. Бах бросил все и устремился к нему на встречу, но, лишь только известие об этом достигло Галле, Гендель сделал все возможное, чтобы ускорить свой отъезд, сел в diligencans, затем на корабль и был таков. Неужели побоялся, что его постигнет участь Маршана?

СКОЛЬКО СТОИТ БЕССМЕРТИЕ?

Вспомним заодно историю еще одного творческого соревнования, в котором Бах принимал участие. В 1723 году он страстно мечтал о месте в Гамбурге. Бах, прекрасный заботливый отец, недавно овдовевший, стремился туда, где четверо сыновей могли бы получить надлежащее образование. В Гамбурге его ждали друзья: там уже известный нам Маттезон вершил критический суд над художниками и их творениями; там разыгрался бой между старой и новой духовной музыкой; там имелись прекрасные органы; там творил знаменитый Эрдман Ноймейстер, автор прекрасных текстов для духовных кантат.

Бах блестяще выдержал испытание, однако место кантора в церкви Св. Иакова было куплено неким Иоганном Иоханном Хейтманом, сыном негоцианта, за четыре тысячи марок. «Этот посредственный музыкант, — напишет впоследствии Альберт Швейцер, — должно быть, не подозревал, что своими деньгами заплатил и за место в любой биографии Баха, то есть приобрел бессмертие». А современник и друг Баха, поэт и проповедник Ноймейстер во всеуслышание заявил об этом в проповеди: «Я глубоко убежден, что, если бы один из виффлемских ангелов прилетел с неба и, божественно играя, пожелал бы занять место органиста в церкви Св. Иакова, но не имел бы денег, ему пришлось бы улететь назад, на небо...»

В 1730 году, через год после премьеры в Лейпциге «Страстей по Матфею», композитор обобщил свое отношение к так называемым «творческим соревнованиям» и собственный опыт участия в них в иронической кантате «Состязание Феба и Пана». Если бы не стойкое пренебрежение Баха к

опере — пустому и низкому, с его слов, жанру, — мы с полным основанием могли бы считать это сочинение блестящим образцом комической оперы. А поскольку представление кантаты было осуществлено в Лейпцигской кофейне при большом стечении и, кстати, участии студентов и преподавателей школы Св. Фомы, это, скорее всего, капустник. В его благоприятной атмосфере начинает складываться общество, которое через столетие трансформируется в Гевандхауз-оркестр который под управлением Феликса Мендельсона-Бартольди возродит творческое наследие Иоганна Себастьяна Баха.

«СОСТЯЗАНИЕ ФЕБА И ПАНА»

Сюжет «Феба и Пана» Пикандер (настоящее имя Кристиан Фридрих Хенрици — либреттист Баха) заимствовал у Овидия, однако оба (Пикандер и Бах) привнесли и много своего, чтобы приспособить текст к музыке.

Итак, действующие лица. Мидас — фригийский царь, приемный сын и наследник Гордия. Да-да, того самого Гордия, который завязал свой «гордиев» узел, развязанный не кем иным, как Александром Македонским. Вспомним его историю, опираясь на изложение Роберта Грейвса. Когда Мидас был еще младенцем, по его колыбели взобралась веренища муравьев и, пока он спал, сложила у него между губ пшеничные зерна. Это чудо истолковали как знак, предвещающий Мидасу огромное богатство. Он и вправду разбогател, и вот каким образом. Случилось ему залучить к себе в гости старого сатира Силена — любимца Диониса. За едой и обильными возлияниями шли день за днем, а он все рассказывал Мидасу сказки о чудесном континенте, отделенном от Европы, Азии и Африки, о прекрасных городах, населенных высокими, счастливыми и справедливыми долгожителями, о великих морских экспедициях в страну гипербореев. Среди других чудес Силен упомянул плоды, которые возвращают молодость даже очень старым людям. Истории все не кончались, и слуги едва успевали подносить кубки и яства. Тем временем Дионис, решив, что Силен не иначе как пленен Мидасом, отправил к царю людей — спросить, чего он хочет в обмен на свободу любимца. Мидас, не раздумывая, ответил: «Прошу, сделай так, чтобы все, к чему я ни прикоснусь, превращалось в золото». И бог с

Николя Миньяр «Суд Мидаса».
(Пилль, Дворец Изящных Искусств).

усмешкой наделил его этим даром. Счастливчик Мидас ходил по садам и полям, и все, к чему он прикасался, немедленно превращалось в золото. Это было прекрасно, пока не пришло время обедать. Царь обнаружил, что стоит ему прикоснуться к хлебу, мясу, фруктам, как они немедленно превращаются в чрезвычайно дорогой, но бессмысленный с точки зрения кулинарии напормот. То же самое происходило и с напитками. И Мидас взмолился, чтобы его освободили от последствий необдуманной просьбы, ибо он умирал от голода и жажды. Дионис, который властью натешился страданиями царя, сказал, чтобы Мидас отправился к истоку реки Пактол, что течет у горы Тмол (под этойкой одноименного речного божества), и там искупался. Царь повиновался, и его чудесная способность сразу же исчезла.

Быть может, на берегу этой реки Мидас и Тмол, как два состоятельных мецената, обменялись соображениями об устройстве музыкального состязания между Аполлоном и Паном. Изменения затронули и состав жюри. Там появился Меркурий – совсем не творческий персонаж, зато весьма влиятельный, способный заводить ценные связи и поднагребший в вопросах купли-продажи. В третейский суд (или жюри конкурса) был приглашен также Момус – в греческой мифологии бог насмешки и иронии.

Ирония состояла уже в самой идее музыкального состязания между признанным на Олимпе артистом, покровителем и любимцем муз, златокудрым красавцем Аполлоном и козлоногим рогатым Паном, правда, столь же популярным, как Аполлон, вот только не среди богов и муз, а среди козочек и простодушных пастушек.

Жюри не было столь объективным, как хотелось бы... Впрочем, слухи об объективности судей и в наше время часто бывают преувеличенными... Так или иначе, Феб (Аполлон) был ставленником Тмола, а Пан – Мидаса. И вот состязание началось!

С первых же звуков вступительного хора мы оказываемся в пространстве, где могло бы состояться такое состязание или по крайней мере античная драма на эту тему. Секстет солистов в сопровождении хора убеждает ветры вернуться назад в их пещеру, чтобы не помешать предстоящему состязанию. Оркестр, разумеется, изображает воздушные вихри, которые лихо закручиваются, следуя за голосами струнных и воображением – нашим и композитора. Но воображение композитора – материя прихотливая, и в среднем разделе вступления Бах вооружает хор и солистов практически средневековой техникой выразительного короткого дыхания, называемой гокет. Таким образом, участники событий дают понять, как значительно все происходящее, как волнует их исход поединка.

В следующем за вступлением речитативе первыми любезностями обмениваются и сами «виновники торжества». Каждый сообщает другому, что способен на такое... нимфы с деревьев попадают! Оба похожи на разминающихся боксеров, но Феб чувствует себя куда более уверенно. Пан припоминает свои заслуги: флейту, звучанием которой заслушиваются лесные обитатели. Феб насмехается: это, мол, все для козочек и пастушек, а его игре на лире внимают боги!

Тотчас на помощь простодушному Пану приходит Момус. Роль этого второстепенного участника жюри Бах доверил женскому голосу. И неспроста! Момус, кажется, «болеет» за Пана и посредством энергичной арии обращается к его патрону, Мидасу, требуя твердо стоять за Пана и его искусство, не пасуя перед превосходящими силами противника.

Почему превосходящими? Положим, Мидас – царь! Но Тмол все же бог! Пан, слов нет, живой мальчик – еще бы: всю жизнь на свежем воздухе; но Аполлон – настоящий олимпиец! И этим все сказано. Только Мидас и Пан почему-то не понимают, что исход поединка давно предрешен.

Можно представить, с каким азартом Бах работал над конкурсной арией Феба. И перед ним стояла непростая

задача. Ведь ария должна была получиться: прекрасной (Аполлону не пристало петь всякую дрянь!); смешной (сочинение – то ироническое); нести в себе отголоски античной культуры, быть может, музыки, о которых мало что было известно. Интересно, а как бы мы решили такую задачу? Пусть чисто теоретически?

Прослушав арию и сверившись с текстом, мы убедимся лишь в том, что это глубоко лирическое произведение, то есть проникнутое, а точнее, густо пропитанное любовной тематикой. Это, безусловно, делает арию смешной, ведь за минуту до ее исполнения Феб ругался, как извозчик. Но не только это. Обратившись к стилистике арии, мы будем поражены тем, насколько хорошо Бах знал культуру античного мира, в частности традиции древнегреческого театра. Каждая оркестровая тема сопровождается тихими отголосками, звучащими будто эхо. А ведь это излюбленный прием античных драматургов. Но в этом ничего смешного нет! А музыка вызывает улыбку. В чем же дело?

Она слишком красива! Пожалуй, это самая «кудрявая» ария во всей истории музыкальной культуры. Все ее мотивы, все кадансы украшены изысканнейшими завитушками. А благодаря эффекту эха на этих завитушках разрастаются новые завитушки. Тонкое звуковое письмо создает ощущение блуждания каких-то причудливых музыкальных теней. Ария Феба, как мне представляется, прямой ответ Иоганну Адольфу Шейбе, который долго и злобно критиковал Баха за «учённость» его музыки, за отсутствие «истинного чувства», пренебрежение к вкусам и потребностям публики.

В следующем коротком речитативе Момус сообщает Пану, что пришло время показать себя в деле. Но Пан не упускает случая и на словах подтверждает свою готовность превзойти Феба.

«К танцам, прыжкам!» – вот название конкурсной арии Пана. К этому призыву сводится и основное ее содержание. Мы вновь услышим гокет, ведь Пан просто не в силах устоять на месте. Прыгучесть – в его природе. Все сказанное не отменяет обаяния этой милой непосредственности. Кажется, композитор относится к этому персонажу с сочувствием. Об этом говорит и то, что Пан импровизирует: в средней части своей арии он пародирует тему Феба и изображаемое олимпийцем любовное томление.

Очень короткий речитатив... Меркурий, похоже, торопится окончательно разделиться с Паном. Понятно, ведь у него всегда так много неотложных дел...

Тмол в своей арии предстает истинным эстетом. Звучание гобоя с характерным для этого инструмента носовым призвуком (почти что французским проносом) усиливает остроту того глубокого впечатления от арии Феба, которое испытывает (или изображает?) Тмол. Бах не забывает и о природе речного божества. Звучание клавирина сопровождается всю арию Тмола каким-то бульканьем и журчаньем прозрачных водяных струй.

А Пана-то будто и на свете не было... Но не таков покровитель козочек и пастушек! Ну же, Мидас, требует он, открой всем глаза на мои достоинства и заслуги! И Мидас подхватывает: «Ах, Пан, как ты порадовал меня легкостью и непринужденностью своего искусства! С какой радостью теперь я последовал бы за тобой в твой зеленый мир, где под сенью деревьев резвятся нимфы... Да, Феб, пожалуй, выглядел куда как пестрым и безвкусным...»

Мидас решил твердо стоять на своем: Пан – великий мастер, Феб проиграл. Всё! Доводов у Мидаса не так много, зато упрямства предостаточно. Его тезисы навязчиво повторяются вновь и вновь, и вскоре музыка арии трансформируется во что-то похожее на звучание тупой пилы, которой вам к тому же пытаются опилить голову.

– Да ты в себе ли, Мидас? – Коварный Момус! Его интрига удалась, но шутка зашла слишком далеко!

– В своем ли, Мидас, ты уме? – это уже Меркурий.

А Феб:

— Что, Мидас, делать-то теперь с тобой? Содрать ли шкуру или постепенно... соскоблить?

Эта реплика Феба заимствована из другой истории, более ранней: состязания Аполлона и Марсия (Павсаний). Кстати, их часто смешивают, путают. Марсий — сатир и сын речного божества, блестящий исполнитель на флейте (авлосе), созданной и брошенной самой Афиной. Но эта история имеет очень печальное завершение...

Вернёмся же к нашим героям, которые страшно переругались. До соскабливания шкуры дело, правда, не дошло, но ослиные уши — награду за упрямство — Мидасу все-таки навесили. Так и ходил до конца дней во фригийском колпаке, чтобы подданные не прознали, какие развесистые у царя уши. И Пан чувствовал себя совершенно несчастным...

И только Момус съязвил напоследок: «Что ж, Феб, теперь ты — лучший. Бери же лиру и давай брэнчать!»

Смех смехом, но противоборствующие стороны (Тмои и Мидас, Феб и Пан) — не враги! Всего лишь оппоненты. Какая жестокость со стороны Аполлона: собственноручно выпягивать уши оппоненту! До размера ослиных! Или это так принято: сурово карать оппонентов прежде всего?

Ах, действительно! Ведь в предыдущей, более архаичной, версии мифа с оппонента Марсия просто-таки содрали шкуру! Это за 200 лет до нашего состязания...

Наблюдается некоторая цикличность, однако!

Заключительный хор возвращает слушателей в свои собственные «просвещенные времена». Его содержание — своего рода мораль: «Да здравствует искусство! Да здравствует веселье! Добрая музыка дороже злой свары, в чем боги убедились на своем примере»...

Боги — на своем, а Иоганн Себастьян — на своем. И пусть характер у него был не сахар, но склок с коллегами он не выносил. Не всегда, правда, удавалось уберечься. Вот исследователи до сих пор и гадают по кантате «Состязание Феба и Пана», кто тут Бах, а кто Эрнести (педантичный ректор Школы Св. Фомы), кто тут Шейбе (злостный критик Баха), а кто Бидерман — саксонский профессор, отличившийся высказыванием о том, что музыка не только вредит обучению, но что самые «дурные субъекты» в школе обычно те, которые занимаются искусством.

Неужели и вы так думаете?

ВМЕСО ЭПИЛОГА

Хорошо, когда в истории можно поставить логическую точку. Здесь их две! Созданию Лейпцигского Гевандхауз-оркестра, вы помните, предшествовало учреждение Робертом Шуманом Давидова Братства (нем. Davidsbund). Там же, в Лейпциге. По идее Шумана, членам Давидсбунда надлежало бороться с мещанским отношением к музыке и дурным вкусом, как Давид боролся с племенем филистимлян. И.С. Бах и Феликс Мендельсон были приняты в это братство заочно. Без лишних деклараций Давидсбунд, казалось бы, навсегда покончил с искусственным разделением творчества на аполлоновское и дионисийское начала.

Это первая точка! А вот и вторая. Быть может, вы и позабыли о Мидасе с его ослиными ушами? А ведь история ещё не завершилась. Мидас надел фригийскую шапочку и о том, что она скрывает, знал лишь его цирюльник, с которого, разумеется, взяли подписку о неразглашении страшной тайны царя. Однако тайное знание буквально распирало беднягу; он отправился на берег реки, выкопал ямку в песке, наклонился к ней и быстро прошептал: «У царя Мидаса ослиные уши!». А затем быстро закидал ямку песком. Через некоторое время оттуда вырос тростник и, шелестя на ветру, поведал о том, что у царя-то оказывается ослиные уши!

Вы поняли? Поосторожнее с оппонентами; в итоге все всё узнают!

Александр Петрушкин

Кыштым

Из «Бестиария»

[Бабочка]

Вот тело в поцелуе протянув,
как будто встреча радостна до
смерти,
лакает псом с её обеих рук
то молоко, то воздух бесконечный,

размолотый на облик новый свой
и на двоих что папи среди сада,
где каждого рыжеющий лобок —
воспоминанье о границах ада,

которые покинула она —
точнее он, оно — ещё верне
неважно,
когда она свободу ощутив
растёт в любовниках — ещё темно
и влажно,

когда она протянута сквозь свет,
лишь нитью став от своего полёта,
и ни о чём уже не говорит,
поскольку это — не её забота.

[Павлин]

сотворенный первым он
в свет войдёт со всех сторон
бык его сопровождает
притворившийся дождём

и вглядевшись сквозь тебя
растворится, зренье для
до последнего предмета
с правом первого гвоздя,

на котором в зеркалах
ощутив посмертный крах
он висит как пот и звёзды
(то есть парус в существах)

несущественный пастух
между землянистых рук
держит мглу сосков коровы
как чудовище и плут

Три МАСКИ стихосложения:

1. Силлабическая хокку 5 7 5

Страсть гондольера
карнавально затянет
петлёй Гранд канал

2. *Тоническая* Twitter style 199 symbols 157

Маэстро, урежьте секс!
Невозможное требовать – это терять...
на лепестках полураскрытых губ
тает нежность...
Маэстро, убавьте боль!
Ожерельями римских голов
на шеех кельтских коней
маскарадный шанс –
зрочками ошибок...

3. Силлабо-тоническая

Где стремительно страстно кружится
безрассудство – в стиль любви,
там неизгнанная неизбежность
растворяется в нежности.

У весны вечный век в наложницах –
обескровленный черновик –
там безудержно безутешно
наяву и во сне: «прости!»

Где волна балаганно-шумная
причитает пророчески зря,
карнавальные лица стёрты,
день последний на ночь сменяя.

Где в священный цветник безумия
взошла розовая заря,
там из списков живых и мёртвых
напрочь вычеркнули меня.

Максим Сентяков

МАСКИ

Кинжал вошёл в меня – объятья плоти,
Но тело не болело – душу жгло,
И рана – одиночка в своём роде
Мне в кровь впустила жалость или зло.

И я, желая скрыть свою природу,
Чтоб снова град кинжалов не впустить,
Надел лицо и стал, увы, уродом,
Умел красиво шгать, умело льстить.

Я вечно прятал истинность желаний,
Я вечно буду прятать хрупкий шаг,
И даже в страстных блесках ликования
Я буду помнить жалость, боль и мрак.

Который, может вновь легко ударить,
Загнать до рукоятки сталь клинка,
И лишь под маской верно будет старить
Мои огни до вечности звонка.

Когда на небеса откроют следом двери,
И души запоят, скользнув чрез полный зал,
И, может, я тогда вновь буду точно верить,
И, может, я тогда достану свой кинжал.

е л
ш у
а н
ч ы
В
рождаются
с
л
ё
з
ы
неба.

В тумане безмолвия

І
м
о
л
і
/
н
и
е
й
і

— ПЕСНЬ СОЛОВЬЯ !

ПЯТНО

сквозь грани
мое собрано сердце
сквозь грани
увидите вы безграничность
черты человека
поиск пути
пепел на паутине
и сердце
сходящийся конус
как сбросите маску
но вспомните: листья
вселенная – маска

и линия
только линия
грани
висит на радуге
камень:
растет трава
и звезда
микрофон
как слезает слеза

огромное сферическое
дух
учитель

грани тела
ведь это движение –
красота это сердце
слитое сердцем зренья
по-другому вселенная

не душа ли там
вскрикнула
от изумления?
стаяка птиц закружилась
над лесом,
чуть шурша восхищением

«тоже люди», – вымолвил
краснолицый индеец

лучевое сердце – место
для более огромной
вселенной
вот нам месяц
и спектры

мы спим
но грани
могут разбудить
тело к жизни
новые грани
из беспредельности
одуванчик дышит
вселенная разбегается
и возвращается
целой: пульс и мудрость
несет черты
образ

розовая кожа
память мечты
шар
блистающий мир
за шаром – шар
и человечество за гранью
свет

огнь, хрустальные
тайники раскрывающий
как в мелодии
времена умножаются
маски, объятые слетающие
сияние прекрасное

и вихрь умно-золотой
на месте глаз
снаружи и внутри
теплый сквозняк
бесчисленной пустоты
озаримой
лицом и лицами
(;

Мария Прокофьева

Мой брат антропософ

Мой брат Сергей Олегович Прокофьев (1954-2014), внук композитора Сергея Прокофьева, закончил монументальный факультет института им. Строганова, но основное художественное образование он получил от своего дедушки Леонида Фейнберга, который обучал его писать в технике старых мастеров. Художественный талант Сергея открылся очень рано, ему было 17 лет, когда он написал четыре прекрасных натюрмортов. Это были картины зрелого художника, трудно поверить, что они написаны школьником, и было очевидно, что его ждет большое будущее в живописи.

Одновременно с талантом художника в нем открылся и талант поэта, он начал писать удивительные стихи, очень талантливые поэтически и с глубоким духовным содержанием. Он написал книгу стихов «Мистический огонь души». Все они о поиске путей к Богу. Этому поиску, временами трагическому, а временами очень светлому и посвящены все стихотворения, написанные моим братом в течение трех лет. Этому поиску в последствии он полностью посвятил и всю свою жизнь.

В тринадцать лет в доме Максимилиана Волошина он познакомился с книгами доктора Штайнера, который будучи учеником Блаватской в последствии выделил из ее теософского учения ветвь, которую назвал антропософией. Вдова Максимилиана Волошина, Мария Степановна Волошина, никогда не была антропософкой, но предоставила Сергею свободный доступ к книгам доктора Штайнера. Я думаю, что если бы Сергей был бы старше, идеи этого оккультного учения не увлекли бы его, но ему было всего 13 лет. Позже духовные поиски привели его к православию, и он какое-то время в серьез колебался между православной церковью и антропософским учением, и я помню, как мама сообщила мне, что Сережа решил стать священником, но, к несчастью, окончательный выбор был сделан в пользу антропософии. Наверно, это была точка невозврата в его жизни.

Он уехал из России сначала в Германию, потом переехал в Швейцарию, в Дорнах и работал в антропософском центре

«Гетеанум». Занятия антропософией полностью вытеснили все остальное, он на долгие годы перестал писать стихи и никогда больше не взял в руки кисть. Думаю, что глубокое погружение в подобные оккультные учения и занятия творчеством плохо совместимы. История знает тому много примеров.

Ему приходилось много путешествовать по миру, читая лекции, менять климатические и временные пояса, делать тяжелые прививки, когда он ездил, к примеру, в Индию. Возможно, это привело к тяжелой болезни, которую долго не могли диагностировать в швейцарской больнице. В течение двух лет швейцарские врачи не смогли поставить правильный диагноз и запустили болезнь. Потом была сделана операция, и Сергеем стало лучше, но в Дорнахе нашлись врачи и друзья, которые убедили его лечиться голоданием, и сорок дней под присмотром этих врачей он выдержал практически полный голод. На выходе из этого мучительного голодания опухоль, которая до того была локализована, метастазировала по всему организму, и его состояние стало безнадежным.

Цикл стихов о розе был написан моим братом после голодания, когда он знал, что обречен. Он находился в это время в клинике, под окном его палаты был сад. Наступала зима, выпал снег, но вдруг из глубокого снега поднялась роза и расцвела вопреки всем законам природы.

Это чудо произвело на него такое впечатление, что он снова начал писать стихи и написал «Пять посланий к Розе».

Когда мы встречались в последний раз, он сказал мне, что больше не испытывает желания писать антропософские книги и ему хочется только одного — снова сесть за мольберт, но это было уже невозможно. В юности он написал стихотворение о своей смерти. Думаю, что оно оказалось пророческим, именно так он и умер, как написал в этом стихотворении.

Он всю жизнь искал Бога, и каким бы сложным не был его путь, я верю, что закончился он Встречей, к которой мой брат так стремился!

Картина
Сергея
Прокофьева

РОЗА НА СНЕГУ

ПЯТЬ ПОСЛАНИЙ К РОЗЕ

1.

О, роза, зачем расцвела ты
Холодной зимой?
Средь снежного поля, одна –
Цвета пролитой крови.
И молча порфиру приняв,
ты склонилась долу,
Пожертвовать неба судьбой,
Земному уделу.
Себя, посвятив безвозвратно
мучительной смерти,
В ее приближены ты медленный
чувствуешь холод.
Но Кровью Другого в молчаньи
искуплена будешь,
И вновь расцветешь ты свободной
от праха земного.

Берлин, 6 декабря 2012 г.

2.

Ты зацвела средь снеговой пустыни,
О, роза цвета крови, в тишине.
Обречена одна стоять отныне –
Где нет путей к потерянной весне.

Так расцветай Любовь в душе без тленья
Средь холода и затверделых рек.
То Парсифаль взирает без движенья
На капли крови павшие на снег

Берлин, 6 декабря 2012 г.

3.

Что привело тебя на хладную равнину,
Где одиночество царит и тишина.
Судьбой жестокою ты брошена в стремнину –
На снежном пологие горящая звезда.

Зачем одна. Подруг цветистый рой
Развевался к другой судьбе влекомый.
Он ждет весны, тепла – он не с тобой,
Он хочет жить в блаженстве невесомом.

Твой путь иной – сквозь снежные пески,
Оледенелый стебель надломился.
Как капли крови пали лепестки
На равнодушный снег – молчанью причаститься.

Но в глубине души – Любовь одна
Переживет безжалостность мгновенья.
Ты жертву принесла и ей освящена;
Ты знаешь смерть – узнай же Воскресенье!

Берлин, 7 декабря 2012 г.

4.

Нет, подожди, не срывай эту дивную розу!
Темно-красную, что вдали от тепла расцвела
В этом хаосе выюжном – посреди застывшей природы,
Непреклонно противясь ледяющей зиме.

В царской мантии встретила ты испытанье земное:
Алчный ветер, метель среди омертвевших пустынь.
И тяжелые цепи вериг на нежные плечи принявши,
Ты стояла одна – голову молча склонив.

Жертву ты принесла. В этом мире пред нами явившись
Совершенной, в сиянии лучей неземной красоты.
Ты пришла к нам как чудо, как тайна предвечная –
Нам средь холода смерти Благою Весть возвестить.

Но, взирая на трудность пути, на конце неизбежность,
Ты урок приняла, его тайну в себе сохранив.
И бесстрашно открылась навстречу медленной боли,
Угасанье избрав посреди бескрайних равнин.

Это таинство знающих. Совершая его добровольно,
Все приемля в судьбе, в мир иной ты тогда перейдешь.
Чтобы там расцвести среди звезд Мистической Розой.
Нам – блаженства удел, Ангелам радость даря.

Берлин, 6 декабря 2012 г.

5.

Как приблизиться к чуду: к розе,
Что в бескрайних снегах расцвела.
И тело ее на жестоком морозе
Из прозрачного стало стекла.

Одиноко и строго она стояла;
Недвижима на холодном ветру.
Но душа ее мне тихо сказала,
Где я снова однажды ее найду.

Неизвестность сдавила крыльев размах.
Нам хороших не ждать вестей.
Но я верю там, в надзвездных мирах,
Ты Невестой будешь моей.

Берлин, 14 декабря 2012г

Тихо лежал на огромной белой постели.
Сумрак прохладный... О, как тяжело умирать,
Срок истекал: А глаза не мигая смотрели
В бездну окна, где таился прощальный закат.
Слабой улыбкой светилось больное лицо.
Молвил: «Зачем дожидаться рассвета».
Таинство близилось... Медленно взор угасал –
Кроткий, исполненный тихого света.
Лица в молчании строгом застыли вокруг.
В это мгновенье, когда ты почувствовал Вечность –
Вздрыгнул и губы исторгли томительный звук –
Судорога руки сомкнула пугающей вестью.
Первым прозреньем – страданиям положен конец.
Снова поникла глава – остывало дыханье.
Только улыбка осталась, как символ прощанья –
Взор помутненный, глядящий куда-то вовнутрь...
Словно в серебряной ризе сияло лицо.
Тихая радость слияния с Богом.
Вечность сомкнулась – осталось лишь тело одно –
Дом опустелый и страшный своей пустотой!

Москва, 25 апреля 1972 г.

Бахытжан Канапьянов

Алматы

Инкарнация

Меня все внешние маски
Лица своего, я храню
Минувшего времени сказки
С будущей рифмой на «ю».

«Ю» – это «О» на приколе,
Восторг,
Превратившийся в ноль.
Справляюсь я с будничной ролью,
В ней к месту рифмуется
«Соль».

Наташа Дроп

Санкт Петербург

ОМОН

Владея на ять рукопашным
и ловко заправляя патрон,
ты носишь себя бесстрашным,
ты носишь себя волчком,
ты носишь себя по ночам
и носишь в чёртов притон.
У таких титанический стержень,
им бы в подручные Ильичу.

С глухим и техничным упорством
заряжая собой «Урал»,
ты точно такой как патрон свой:
обойма ему – терминал.
Чёрный-причёрный рой,
где каждый – как страж Азкабана.
Вас прикормила не цифра,
но адреналин. Его - надо.

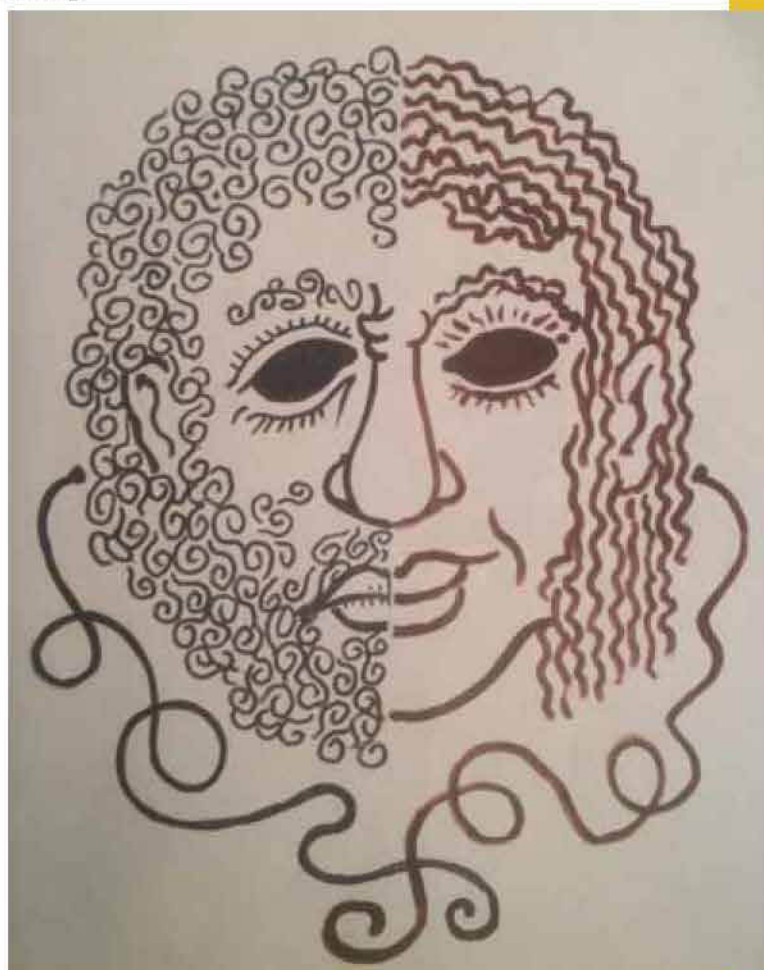
И вот он кровавый случай,
основанный на фильме с уродцем.
Ваш рой полетел на горячее,
и неважно, что будет после.
Взгляд мутный, контакт укорочен,
решительный ястреб в маске.
Ты на этой чугунной подошве
пришёл заявить о господстве.

Виктор Корольков

ДООС – книгозавр

МАСКА (стих и рисунок)

Адам
не ест,
не спит
тоскуя.
Эдем
ему
не мил.
Бог
в помощь!
Адама
счастье
куя,
Господь
решил
наскоком
вопрос
ребром
поставить!
А дама
Ева
Адаму
вышла
боком

Валерий Силиванов

Анаграммы в масках

Рептилоид за маской
ест помидор за лайки

В маске короля
я сел к коровам

Короче, бедолага жил в Москве.
Жил в маске доброго человека.

В маске белого кролика
слегка икал в обмороке

Специально для ПО

Виктор Клыкков

ДООС – австрозавр
Вена

Маски

Специально для ПО

Маски...Маски...Маски...

Человеческие маски –
в детстве их не замечаем,
только после понимаем
всюду маски вокруг нас.

Маски...Маски...Маски...

Сколько масок я на свете повидал.
Маской первой моей был противогаз,
да и после окончания войны
в институте на «военном деле»
для учёбы одевал его не раз.

Слава Богу, и другие маски
появились у нас в жизни
Маски радости, веселья – высший класс,
их дарил театр кукол нам не раз.
До сих пор смеёмся и хохочем,
когда ведёт Апломбов конферанс.
Голос Гердта поражает и сейчас.
Необыкновенный тот концерт
Был актёрами и масками богат.

Маски...Маски...Маски...

Много масок разных я встречал
и нередко поражался, как начальники
мгновенно маски разные меняли на моих глазах.
Грозные суровые для подчиненных надевали,
Любезные подлизные – перед начальством.
Чего изволите-с? – всем видом выражали.

Маски...Маски...Маски

да и мне пришлось их надевать.
Помню до защиты кандидатской
в институте Академии Наук мне сказали:
«Виктор, лучше бороду сними,
там в совете старики сидят одни,
не одобряют диссертацию твою».
И пришлось мне бороду сбривать,
чтоб совет учёный убедить,
что советский я учёный без изъяна,
со стены смеялся, глядя Маркс на нас,
но зато стал кандидатом я в тот час!

А когда вернулся я домой
отвернулась от меня жена,
зарыдала дочка, папу не узнав,
Понял, я им нужен с бородой,
отрастил её, остался я с семьёй!

Долго жил я так и не тужил
добросовестно отечеству служил.
Я закончил академию ещё,
должен был в ООН поехать.
Но, на высоком уровне
утвердить должны были меня.

Перед встречей протокольный
мне сказал: «Ты бы, Виктор,
бороду на всякий случай снял».

Не ответил ничего я, промолчал,
про девочек моих вспомнил и не стал,
и не стал я бороду снимать.
«Хватит трусом быть» – себе сказал.
Как ни странно, даже с бородой
был я послан в Вену –
получил подарок я такой.
По работе стал я в Африку летать,
«неразумным» африканцам помогать.

Маски...Маски...Маски...

Я конечно от поэта знал:
«Африка ужасна, Африка опасна...»
Да опасна, но загадочна,
неожиданна, таинственна, прекрасна!
Там попал я в царство масок сразу.

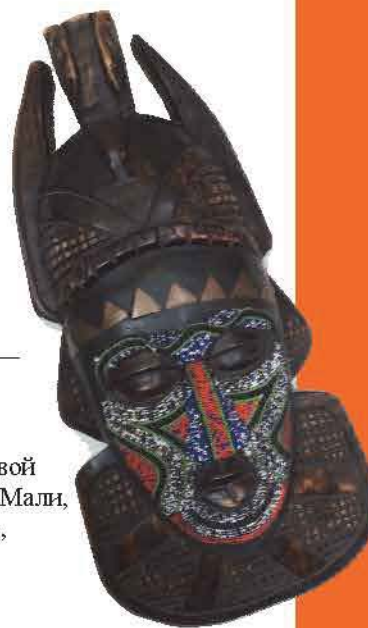
В Бамако на краю Сахары красной
В полутьме мужчины в масках
танец ритуальный танцевали.
С головой слона*
тень мужчины промелькнула,
другая в маске медной и с копьём
железным в трансе, с темнотой сливаясь,
странно двигалась по кругу.
В маске красной чёрная фигура
страстно в барабан стучала.

Вдруг исчезли все и всё пропало.
В неожиданной песчаной буре,
наши рот, глаза и уши
песком мельчайшим полностью забило.
Так Сахара танцу отвечала.

В разных африканских странах
Я в те годы побывал**
и повсюду маски необычные встречал.
Были они мрачными порой,
но в них были древней магии
и мудрости покой,
буйство красок жизни
и фантазии, и страстности огонь!

*В Африке форма головы слона
используется в обрядах культа
умерших.

**Алжире, Анголе, Береге Слоновой
Кости, Гане, Джибути, Камеруне, Мали,
Нигерии, Сьера-Леоне, Чаде, Того,
Уганде и др.

Маски из коллекции Виктора Клыккова

Валерия Нарбикова

ДООС

* * *

Маски, они любые. И в основном они дурацкие, они нам не пример. Они там сами по себе, а у нас есть о чем можно подумать. Вот, например, выхожу я в лес в хорошем месте, 40 км от Москвы, и вижу одну рожу. Это что вам – маска что ли? Это вы как хотите, а я так думаю, что это живой человек пошел по лесу прогуляться. Так вот, господа, я вам расскажу, что маски у нас гуляют везде – и между лифтов, и между мусорных поклажек. И вообще, где хотят. Так что у нас им раздолье. А если уж вы хотите сами к ним обратиться, так, пожалуйста, уж повежливее.

С приветом
Лера

Елена Атланова

Ташкент

Маски-шоу

детство: марлевая
юность: новогодняя
зрелость: карнавальная
старость: маска эсмарха
&: посмертная

* * *

Слишком долго ношу
эту маску наркозную
Она и прижилась

Совсем
не больно
теперь жить

Маска неизвестного автора.
Фото Елены Кацобы.

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

ПОЭЗИЯ

Поэзия –
Это словесный стриптиз,
Земная игра
И небесный каприз...
Примерили маски и роли
Поэты
И – в путь,
На гастроли!

ПОД МАСКОЙ

Где ты, любовь, и счастье, где ты?
И жизнь – не та,
И смерть – не та...

Не зря
Безумствуют поэты
Под маской Вечного шута...

А скинут маску и:
– Привет!
Умней меня на свете нет...

МАСКАРАД

Череп смотрит
сквозь кожу ...
Маска или портрет?
Мне знакомы до дрожи...
– До чего же похожи!
Ты ли это, поэт?
– Я...
Но только моложе –
На две тысячи лет...

МАСКА

Я надеваю
Маску,
Чтоб быть самым собой...
И сочиняю сказку –
Конечно,
Про любовь...
Чтоб,
Овладев судьбой,
Узнал себя любой...

●
Я – слепок,
Ты – маска
Минувшей
любви...
О, красная
краска...
О, храм
На крови...

●
Тоскуют душа и тело
Под масками двух личин:
«Быть нужным!»
и «Что-то делать!»
Которые – не без причин –
Не нужны никому,
Не делают
Ничего
И маются оттого,
Пытаясь опять и опять
Приросшие маски
Снять –
Так,
Что спят глаза
Пот, и кровь, и слеза...

●
Заблудиться в лире звуков...
Затеряться в мире красок...
Театральных грустных масок
Дедов, сыновей и внуков...
Чтобы тоже, им под стать,
Зазеркальной маской

Дмитрий Цесельчук

* * *

...Где каждая строка, как леди...
О, как блистательно одет
летающий на велосипеде
через гостиную поэт.
Он кажется застывшим в танце,
а маски понизу плывут,
напоминающий испанца,
циркач, повеса, юный плут
в плаще, накинутом на плечи,
свиданье с ведьмой при свечах,
на человеческом наречье
нет слов – лишь жест, как крыльев взмах;
все на него глядят украдкой,
а он исчез уж, призрак краткий.
Но мы отправимся за ним,
вздых восхищенья слишком явен, –
да будет конь небесный славен,
и юный всадник вместе с ним

* * *

...О, леди! Милые создания!
Шуршанье юбок, веера...
С каким пронзительным вниманьем
глядит одна из них...
– Вчера я видел вас у миссис Ночи!
– Ну как, понравилась я?
– Очень!
– Так хвалят при хозяйке торт,
Но я к услугам вашим, лорд!

И на балу у Вельзевула
Две тени словно ветром сдуло...

Олег Романов

с.Ташенка

Автоэпиграф:

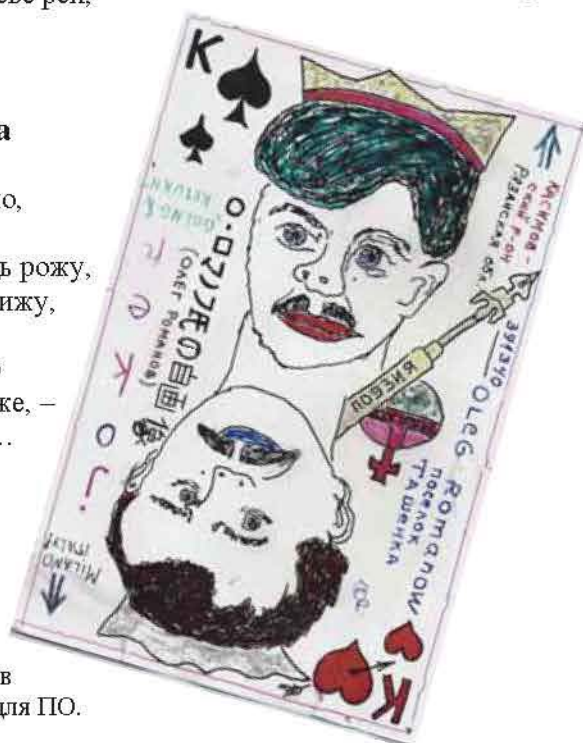
Я –
Мим
Жано с репой, о, персонаж!
А перс он: нос – репа.
Переведи деве реп,
перл – реп,
а?

Моя маска

Зеваю, тайно,
Осторожно
Набьют ведь рожу,
Сторож я, сижу,
Как узник
И безбожно
Ругаю – Боже, –
Лишь себя...

2018

Вот какую
маску
сотворил
Олег Романов
специально для ПО.

Галина Мальцева
ДООС – стрелазелла

Две карнавальные
композиции
(компьютерная графика), 2018 г.

Ольга Лебединская

ДООС – одуванчик
Днепр

Философия карнавала

1.

У праздника учусь пушистой легкости!
В какой костюм еще не одевал
Меня впередбегущий карнавал
И не вручал награду: как цветок цвести!

Опять беру урок реинкарнации.
Тут не читает лекции Бахтин.
Тут мы летим и в улицы свистим,
Как наши предки в оны демонстрации!

Наш ледокол уже ворвался в март.
Наш паровозик выгулил в Ромашково.
А шапоклячки с завистью глядят!
И хочется воскликнуть чебурашково:

Я был игрушкой странной, но теперь,
Когда со мной раскрашенные клоуны,
Обычный я, оригинальный зверь,
И этот мир для чуда нарисованный.

И чтобы мир от скуки не прокис,
Кошачьим счастьем веще крыши полнятся.
Внезапный сюр актеров и актрис
Летяще превращается в сюрприз,
Подснежником душисто колоколится...

2.

Чтобы пенилось пространство, пиво пело,
Взвейтесь Schelle, Belle, Kampanella.
Ищи-свищи, лечи-кричи-стучи!
Из неба выколачивай лучи...

Сигналит нам встревоженный проспект,
Звенят ростки, их слышно сквозь бетоны!
И крокодил зимы идет на нет,
И март-медведь ревет зеленым звоном.

Идет-гудет, зовет, курлычет шум.
О, не сотру салатовые блески
С лица души. Три точки. Ведь пишу –
Не дай зима – на сцене Перекрёстка...

Андрей Чайкин водо пой, а воду пей

перестрелка не **указ** для карнавала:
когти спрячь!
 удача **самураев** **забивает** льстиво-
 смятый мяч.
 ме**ч** превращает в сито **быдло**
кувырком.
 ты сказала: **принеси мне**
лилипута в дом.
царь на почте получил **гробы**
 для **черни**. зрел
аборт за гаражами, а **кости** на
жаре доел.
 на **развилке** открывалось **чтение**
 строчек и **слов**.
 грибовидная **туманность** **онемела**
 от **рожающих** богов.

[стрелка указала,
 когда часам разбиться,
 чтобы у вокзала
 не синели лица,
 а чтобы чернела
 от загара кожа,
 развивалось тело
 и умнела рожа.]

Игорь Баллок ДООС – украинозавр

НИ О КОМ

однажды зимним вечером
 он дважды думал ни о ком
 валялся снег повсюду за окном
 в не эстетическом порядке
 не мог он больше думать ни о ком
 а между тем настали святки
 ходили детки кто с мешком
 стаканом битой кошельком
 кто так стоял кто пел колядки
 он снова думал ни о ком
 в объятиях бурятки
 среди не вылитых тазов
 услышав свыше божий зов
 внезапно испугался
 ремень поправил галстук
 одел естественно штаны

невероятнейшей длины
 сюртук рубаху кепку
 и самогоном крепким
 оттер на памяти пятно
 хрустальной зольной ночи
 когда рекой лилось вино
 и с каждой был не прочь он
 секундой жить и молодеть
 пусть буду я в аду гореть
 сказал он так отважно
 что зубоскалил каждый
 кто там присутствовал при этом
 кивком приветствуя его
 казалось это было летом
 а оказалось жизнь иною
 стремниной мутной с дном двойным
 слоном повернутым спиною
 поводырем глухонемым
 а он сидел молчал и думал
 что за окном была зима
 вдруг перед ним предстала пума

с хвостом московского сома
 вскочил за шпату как иначе
 такое разве может быть
 что зверь по хате мирно скачет
 имея целью не убить
 удар ответ и пошатнулся
 дубовый ствол но не упал
 оделся лишь переобулся
 и танцевать скорей на бал
 тут в Рио грянул карнавал
 а ВРИО круга стал овал
 чего никак не ожидали
 по направлению нормали
 в одной из точек сей кривой
 подняли крик подняли вой
 дубину в руку всей толпой
 в атаку в драку в бой

кромсали пули плоть пространства
 в системе трех координат
 в четвертой не стихало пьянство
 гремел оркестр блистал парад

Журнал Поэтов ДООС
№ 1 (77) 2018 «Маска, я тебя знаю!»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров

Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:

Е.Кацюба – ответ. секретарь, арт-директор;
С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А.Бубнов – доктор филологических наук (Курск), поэт;
В.Вестстейн – профессор (Нидерланды);
А.Городницкий – доктор геолого-минералогических наук,
поэт, бард (Москва);
Э.Гусейнов – кандидат исторических наук (Москва);
А.Кудрявицкий – кандидат медицинских наук (Ирландия),
поэт, прозаик, переводчик;
В. Нарбикова – прозаик (Москва);
А.Такеда – профессор (Япония), поэт.

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС
(Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Рус-
ского Пен-клуба, при поддержке Региональной обществен-
ной организации «Центр современного искусства».

Логотип – Андрей Врядий
Макет – Елена Кацюба.
Верстка – Николай Лазарев.

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство
ПИ № ФС77-63353

Номер подписан в печать 27.02. 2018 г.
Тираж 500 экз.

Адрес в интернете:
<http://litlife.club/UserBooks/?UserId=191742>

E-mail: jurnalpoet@mail.ru

© издательство ДООС
© редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

ПО следам событий

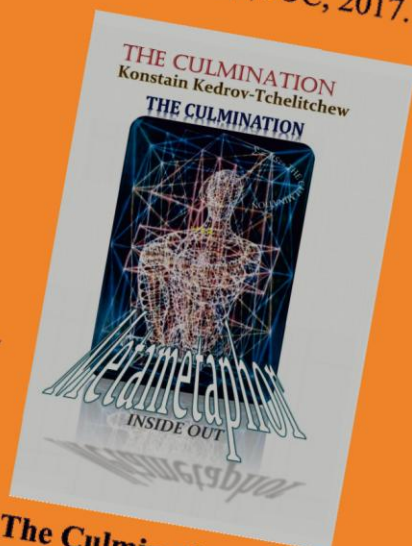
Книги поэта, изданные к юбилею

Новый Альмагест. Сборник сочинений в 5 т. Т.1. Инсайдаут. М., Издательство ДООС, 2017.

Собрание сочинений в 3 т. Калининград, Калининградская книга, 2017.

The Culmination Metamorphosis. Grom Publishing House California, US

В середине радуги. М., Издательство Российского союза писателей, 2017.

Я сижу на троне
в золотой короне
Константин Кедров
1946 г.

«ИЛИ»

чтобы не барахтались мы в иле
Кедров сочиняет книжку или
или это вечный палиндром
или над судьбой летящий дрон
Илия пророк
или я пророк
или он пророк

Александр Карпенко

Константа Кедрова
(акrostих)

Каданс картавый карантинный
Остановил один-в-один,
Неверность Ники никотинной
Сменил сказанием Сирин.
Талант Тантала: тайной
Амброзией атаковать агитплакатный ад,
Наречь наречие необычайной
Темой творческой – тектоник-сад
Асимметрии, алогичной анти-девы,
Кедр-каскадёрских книг, колядок,
Ершистой ереси, ехидства Евы,
ДООС дерзающих догадок.
Ротонда? Родина? Родник?
Орда? Осанна оку? Ода?
Вдох-выдох, воздух возник –
Алмазная антенна антипода ...

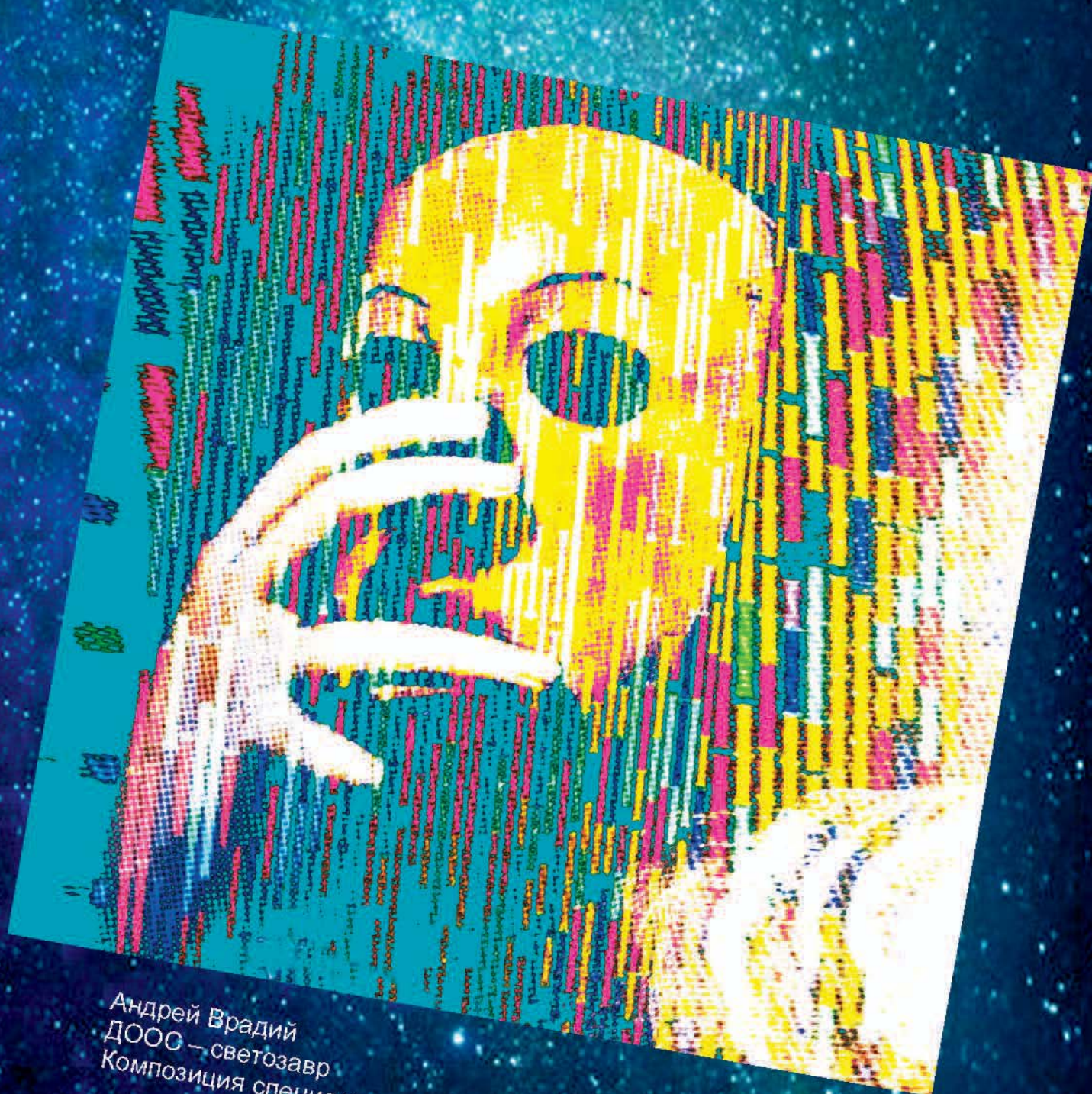
Семен Гурарий
Мюнхен

9 772414 242512

TEC-IT.COM

Андрей Врадий
ДОС – светозавр
Композиция специально для ПО.